Z

№ 11(110)
2002 год

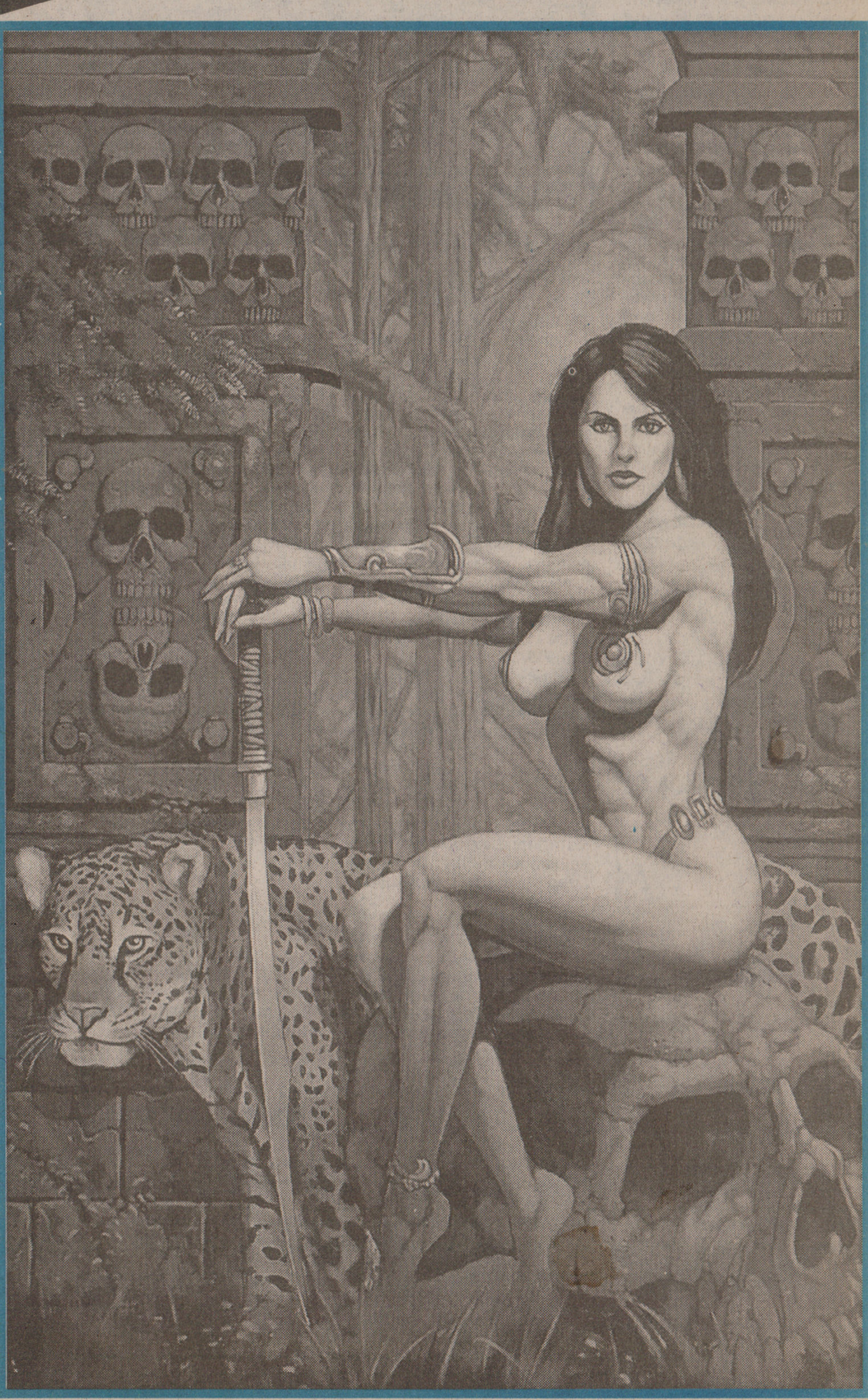
СТРАНИЦЫ
193-208

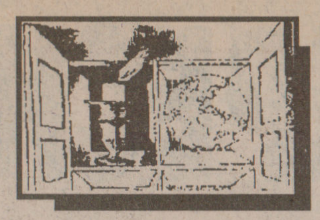
ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА

ПРОСТО ФАНТАСТИКА

В ЖИЗНИ ВСЕГДА ЕСТЬ МЕСТО... ФАНТАСТИКЕ!

Когда я вижу, как кто–то в метро читает фантастику, на сердце теплеет: наш человек! Хочется сразу подойти, поинтересоваться выбором, узнать мнение – да просто пожать руку.

И с сегодняшнего дня и у меня, и у вас такая возможность появляется. Пообщаться, поделиться фантастическими новостями, обсудить понравившуюся книгу или фильм, продемонстрировать собственные таланты теперь можно на страницах «Просто фантастики». Это газета для тех, кто видит небо в драконах и звездолетах, кто радуется встрече с необъяснимым, кто хочет об этом писать и читать — и не считает это странным.

В жизни всегда есть место фантастике — и это здорово!

Ольга ОПАНАСЕНКО,
редактор

Девушка на Шаре

Люди, которые купили Луну?

Правительство США после долгих раздумий разрешило калифорнийской компании летать на спутник Земли, сажать на него свои аппараты и фотографировать его поверхность. Согласно решению Госдепартамента США и национального ведомства по океаническим и атмосферным исследованиям, компания «TransOrbital» запустит на лунную орбиту исследовательский аппарат под названием «TrailBlazer» («Первопроходец»). Старт с космодрома Байконур назначен на июнь 2003 года.

Лицензии на полеты компания добивалась более двух лет. Чтобы получить благословение от федеральных властей США, «TransOrbital» надо было доказать, что их космический аппарат не принесет на Луну никакого биологического материала, не оставит на поверхности мусора и не повредит места предыдущих посадок.

Миссия спутника «TrailBlazer» по плану должна продлиться 90 дней и завершиться посадкой на Луну. Аппарат доставит капсулу с посланием потомкам и частные фотографии, сувениры и записки от простых жителей Земли, которые будут готовы оплатить доставку бандероли по тарифу 2500 долларов за один грамм. Кроме этого, «TrailBlazer» должен запечатлеть остатки техники и оборудования, оставленные на Луне американскими астронавтами в 1972 году и садившимися на спутник потом советскими аппаратами. Документальное свидетельство должно развеять наконец подозрения о том, что высадки человека на Луну на самом деле не было и миссия «Аполлона» была сфальсифицирована правительством.

Полетами на Луну мечтают заняться еще несколько частных компаний. Свой искусственный спутник планирует запустить на лунную орбиту корпорация «LunaCorp.» из штата Виргиния.

Окупить свои проекты «TransOrbital» и «LunaCorp.» собираются за счет видео– и фотосъемок лунного ландшафта. Объемные картинки пригодятся, например, создателям трехмерных видеоигр, которые дают пользователям полное ощущение прогулки по Луне. Об этом сообщает ВВС.

Джоан Ролинг стала такой же великой, как Шекспир

В Великобритании опубликован список 100 самых великих граждан этой страны, составленный по опросам 30 тысяч человек. По данным телекомпании ВВС, всем респондентам было предложено назвать самый выдающийся, по их мнению, персонаж британской истории.

В список наравне с Шекспиром, Джеффри Чосером и Эноком Пауэллом попали и современные знаменитости: Дэвид Бэкхем, Джонни Роттен и создательница Гарри Поттера Дж.К.Ролинг. Британцы посчитали великими 20 ученых, 14 членов королевской семьи, 22 представителя шоу–бизнеса и одного телевизионного ведущего. Среди номинантов есть и противоречивые фигуры. Так, одним из самых знаменитых назван сатанист Алистер Кроули.

Осенью текущего года телекомпания ВВС будет транслировать цикл передач, посвященный самым знаменитым британцам. Он будет полностью основан на результатах нынешнего опроса. В финале телезрителям будет предложено выбрать сначала 10 главных героев страны, а затем и самого великого соотечественника.

Замок Пук в графстве Корк — школа современных волшебников

Британская супружеская пара открывает школу для начинающих ведьм и волшебников. Бев Ричардсон и его жена Дел уже проводят регулярные фестивали ведьм в своем замке Пук в графстве Корк. Как отмечает газета «Times», теперь они хотят устроить набор в школу волшебства и магии, где юные дарования смогут развивать волшебные способности в ходе классных занятий и семинаров.

Во многих отношениях крошечный колледж на лесной поляне в ирландском графстве — воплощенная в реальность Школа волшебства и магии Хогвартс, в которой учился знаменитый маленький волшебник Гарри Поттер. 51–летняя госпожа Ричардсон сказала: «Я бы очень хотела, чтобы люди осознали: все, в чем они нуждаются, — это капелька храбрости для того, чтобы поверить в волшебство и сделать его доступным. Множество детей заканчивают университеты с блестящими отметками, но в итоге ничего не знают об окружающем их мире».

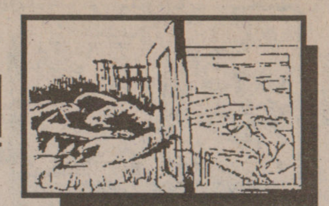
Рэй Брэдбери стал звездой Голливуда

На первое апреля Голливуд подарил Рэю Брэдбери звезду. В его честь открыта для попирания ногами 2193–я звезда на асфальте Аллеи Славы. Таким образом подтверждается выдающийся вклад, который Брэдбери внес в историю кинематографа. С 1952 года, когда состоялась первая телевизионная экранизация его рассказа «Ракета», писатель участвовал в создании таких признанных шедевров, как «Моби Дик» (1956) Джона Хьюстона, «451° по Фаренгейту» (1966) Франсуа Трюфо, по его произведениям и их мотивам поставлено множество телевизионных и художественных фильмов, в том числе в СССР и России — «Тринадцатый апостол» (1988), «Четвертая планета» (1995), «Вино из одуванчиков» (1997) и другие.

В последнее время интерес Голливуда к произведениям Брэдбери резко возрос. После сдержанно принятой публикой комедии «Волшебный костюм» (1998) как будто грянул ренессанс: сейчас в работе фильм по рассказу «...И грянул гром», новая экранизация романа «451° по Фаренгейту» и первая американская попытка вынести на широкий экран «Марсианские хроники».

Сергей БЕРЕЖНОЙ
(Курьер SF,
http://rusf.ru/courier)

Z-3
№11(110)
2002 год

Три фантастических дня на «Мосту»

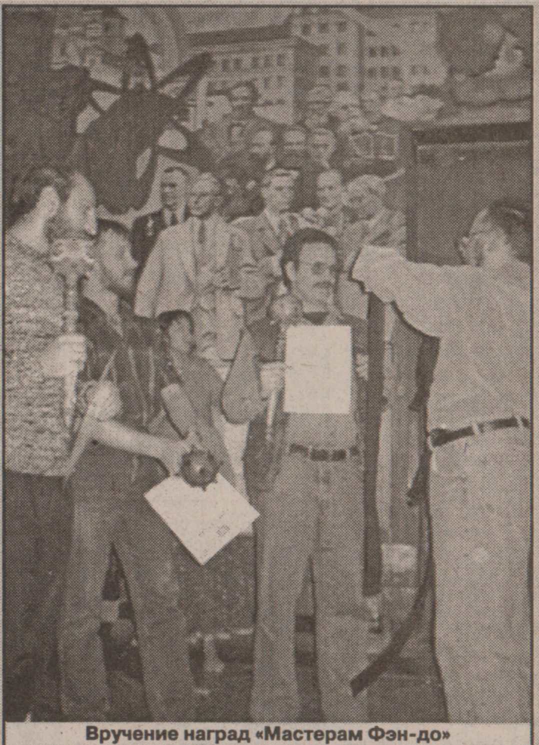
С 12 по 15 сентября в Харькове в четвертый раз прошел фестиваль фантастики «Звездный мост». Надо заметить, что программа его с каждым годом становится все более насыщенной. Поэтому хочу предупредить: то, что вы собираетесь прочесть, — не подробный отчет, а лишь краткие заметки о конвенте.

К сожалению, количество писателей–фантастов, посетивших «Звездный мост», в этом году было значительно меньшим, чем в предыдущие. Уверена, многих фэнов разочаровало отсутствие Сергея Лукьяненко, Андрея Лазарчука с Ирой Андронати, Евгения Лукина, Александра Громова... Зато — уникальный случай! — все сомневающиеся получили возможность убедиться, что минчанин Юрий Брайдер — вовсе не бочонок с пивом, как неоднократно утверждал его коварный соавтор Николай Чадович (бывающий на конвенте в Харькове регулярно), а вполне реальный человек из плоти и крови (можно даже сказать, из очень большого количества плоти...).

Олег ЛАДЫЖЕНСКИЙ (в центре) на фоне соавтора

Кроме того, в Харьков приехали такие известные писатели–фантасты, как Н.Перумов, В.Головачев, В.Ильин, А.Бачило, Д.Володихин, К.Мошков, Л.Каганов (все — Москва), А.Мазин (Санкт–Петербург), С.Дяченко, В.Аренев, П.Верещагин, Н.Гайдамака (Киев), В.Васильев (Москва–Николаев), Р.Злотников (Обнинск), А.Белянин, Г.Иксанова (Астрахань), Ю.Буркин (Томск), К.Бояндин (Новосибирск), А.Корепанов (Кировоград), И.Федоров (Винница), Ф.Березин (Донецк), А.Плеханов, Д.Казаков (Нижний Новгород) и другие. Из числа писателей–харьковчан на фестивале присутствовали Г.Л.Олди (Д.Громов и О.Ладыженский), А.Валентинов, А.Дашков, А.Бессонов, А.Зорич, Ф.Чешко, В.Свержин, Г.Панченко, Д.Дудко (Баринов), М.Наумова, Ю.Горишняя. Почетным гостем «Звездного моста–2002» был известнейший писатель, живая легенда русской и украинской фантастики Владимир Иванович Савченко (Киев).

В первый день, как обычно, наполненный суетой поселений, отмечанием радостных встреч и обменом последними новостями, прошло торжественное открытие фестиваля в Харьковском национальном университете. Правда, боюсь, если бы не студенты, которых «добровольно–принудительно» согнали в актовый зал, певцам–танцорам пришлось бы выступать перед пустыми рядами: большинство присутствующих активно общались в фойе, в кафе и по окрестностям.

Вручение наград «Мастерам Фэн-до»

Во второй день фестиваля по традиции работали разнообразные секции и семинары. Наибольшей популярностью, как всегда, пользовалось заседание секции творческой мастерской «Второй блин». Организаторы, как видно, учли опыт прежних лет, когда часть слушателей покидала аудиторию сразу же после доклада А.Валентинова, и на этот раз поставили его выступление последним. Так что присутствовавшим волей–неволей пришлось также прослушать сообщения о сакральной фантастике, о совершенно антиутопической Северной Корее, о стратегии Переслегина в грядущей галактической войне и — ну как же без этого! — о том, что является и что не является собственно фантастикой. Доклад Валентинова «А за что нас любить?» оказался продолжением начатой накануне в «Books»е дискуссии «Девяностики» и «молодая шпана»: кто кого?» Нарекания на то, что фантастика загнана в гетто и что фантастический фронт приходится удерживать двум взводам писателей, звучавшие на предыдущих конвентах, сменились жалобами на засилье глупых фэнтэзю и бездарных спейс–опер, на безответственность и безграмотность новых авторов и низкие тиражи. Тезис не нов, однако вызвал бурные прения, причем каждая реплика с места начиналась словами «Вот еще о масскультуре...»

В этот же день состоялись демонстрации номинаций по премиям «Портрет Дориана Грея» и «Мастер Фэн–до». И если «Портрет...» проходил как обычно: народ полюбовался иллюстрациями к фантастическим произведениям и прого-

(Окончание на стр. 4)

ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИЙ ХАРЬКОВСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ФЕСТИВАЛЯ ФАНТАСТИКИ «ЗВЕЗДНЫЙ МОСТ–2002»

«Демократические» премии, вручаемые по итогам общего голосования участников фестиваля:

Номинация «ЦИКЛЫ, СЕРИАЛЫ И РОМАНЫ С ПРОДОЛЖЕНИЯМИ»

Первое место (золотой кадуцей): Васильев Владимир (Москва — Николаев) — за книгу «Наследие исполинов» (первая часть цикла «Война за мобильность»).

Второе место (серебряный кадуцей): Березин Федор (Донецк) — за книги «Встречный катаклизм» и «Параллельный катаклизм».

Третье место: Ван Зайчик Хольм — за первые две книги второй цзюани цикла «Плохих людей нет»: «Дело лис–оборотней» и «Дело победившей обезьяны».

Номинация «КРУПНАЯ ФОРМА» (РОМАНЫ)

Первое место (золотой кадуцей): Дяченко Марина и Сергей (Киев) — за роман «Долина Совести».

Второе место (серебряный кадуцей): Громов Александр (Москва) — за роман «Крылья черепахи».

Третье место: Лукьяненко Сергей (Москва) — за роман «Танцы на снегу».

Номинация «ДЕБЮТНЫЕ КНИГИ»

Первое место (золотой кадуцей): Каганов Леонид (Москва) — за книгу «Коммутация».

Второе место (серебряный кадуцей): Казаков Дмитрий (Нижний Новгород) — за книгу «Я, маг!»

Третье место: Карпов Геннадий (Сергиев Посад) — за книгу «Выявление паразмата».

Номинация «МАСТЕР ФЭН–ДО»

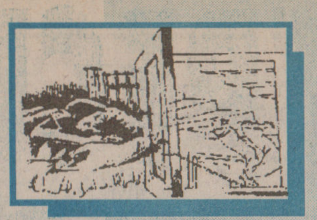
Черный пояс 3–го дана: Каган Геннадий (Минск).

Черный пояс 2–го дана: Карпов Геннадий (Сергиев Посад).

Черный пояс 1–го дана: Итернеев Илар (Радужный).

Номинация «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»

Впервые за четыре года проведения фестиваля «Звездный мост» первые ДЕСЯТЬ мест занял художник Владимир Бондарь из Харькова. 1–е место и золотой кадуцей он получил за иллюстрацию к книге Сергея Лукьяненко и Ника Перумова «Не время для драконов».

Три фантастических дня на «Мосту»

(Окончание. Начало на стр.3)

лосовал за особо понравившиеся, — то условия получения «черного пояса» совершенно изменились. В прежние годы Мастером становился писатель — автор лучшей боевой сцены (эти баталии разыгрывались студентами); в этот же раз за пояс мог побороться любой желающий. Для этого нужно было ударом кулака разорвать газету, погасить свечу, наловить максимальное количество спичечных коробков, продемонстрировать меткость в стрельбе по коробкам же... Судили состязания известные «драчуны» Олди, они же и награждали победителей.

Вечером в гостиничном комплексе «Турист», где разместилось большинство участников фестиваля, молодые харьковчане из местного клуба знатоков проверили гостей на знание отечественной и зарубежной фантастики. Испытание было нелегким, до конца его выдержали даже не все зрители, но в целом гости фестиваля показали себя настоящими игроками — азартными и эрудированными.

Утро третьего фестивального дня получилось исключительно романтичным: все гости были приглашены в «Трапезную» харьковского Дома ученых на импровизированный концерт. Бард Олег Попенко исполнил песни на стихи из книг Олди, Олег Ладыженский прочел новые хайку, рубаи «Пахана Хайяма», а также стихи из готовящегося к выходу романа «Орден Святого Бестселлера, или Выйти в тираж». Выступили также киевские фантасты Кайл Иторр (он же Петр Верещагин) и Наталья Гайдамака.

Впрочем, добрый дух конвента надоумил хозяев помимо бальзама на душу приготовить и другое лекарство. Разливаемые тут же на месте пиво-воды оказали просто магическое действие на присутствующих, что позволило некоторым из них даже принять участие в последовавшей за «поэтической разминкой» игре «Что? Где? Когда?»

В дни фестиваля жители города и его окрестностей имели возможность воочию созерцать фантастов не только в Харьковском университете — месте проведения большинства мероприятий, но и в еще более демократичной обстановке. Так, практически все писатели «отметились» в магазине «Books» на Сумской. Леонид Каганов и Александр Бачило выступали в Экономическом университете. Владимира Васильева с радостью принимали в Малиновке — и устроили ему истинно свадебное угощение...

Меньше повезло Юрию Брайдеру — его нелегкая писательская судьба закинула в колонию для несовершеннолетних. Впрочем, белорусский фантаст даже без поддержки соавтора проявил недюжинный героизм и человечность. Вместо запланированных сорока минут он общался с воспитанниками колонии два часа, после чего вернулся взволнованным до глубины души, призывая милость к падшим и ратуя за отмену смертной казни.

Очевидно, желая вознаградить за мужество и выразить признательность, оргкомитет на закрытии фестиваля вручил Юрию Брайдеру трехлитровый «брайдер», в который он сможет наливать подаренное тут же пиво «Рогань». Впрочем, его соавтору, от поездки увильнувшему, тоже досталось пиво — чтобы обидно не было.

Вообще помимо официальных наград — кадуцеев за лучшие художественные и критические произведения — оргкомитетом было роздано еще множество «слонов». Так, Громовица Бердник увезла в Киев для отца сотовый мед, а к Сергею Лукьяненко в Москву отправилось сало. «Самому неприхотливому гостю» Вадиму Чикову подарили кипятильник, а Юрию Семецкому — автомат, отстреливаться от убийц.

Впервые приехавших на конвент писателей по традиции посвятили в слобожанские казаки, налив по сто грамм перцовки и выдав по шматку хлеба с салом на закуску. Похоже, организаторы как заботливые хозяева все как следует продегустировали, прежде чем подать угощение гостям, поэтому не обошлось без неловкостей.

На пресс-конференции

Портреты Дориана Грея

«Своя игра»

Заключительная пресс-конференция, которая в прежние годы бывала весьма оживленной и интересной, в этот раз разочаровала. Читатели скучали в зале, писатели — на сцене. Вопросы по большей части были глупыми, ответы — формальными. Обстановка общей нервозности усугублялась тем, что обиженный «слобожанами» Ник Перумов на все вопросы реагировал весьма недружелюбно — это особенно бросалось в глаза с учетом того, что магазин «Books» за пару минут до инцидента вручил ему приз читательских симпатий. А Василий Головачев ушел посреди конференции, на прощание пригрозив присутствующим автоматчиками...

Стоит ли в заключение писать: «В целом конвент прошел хорошо»? Наверное, лучше сказать иначе: «Конвент прошел — да здравствует конвент!» Через год мы снова приедем в Харьков!

Глаз НАРОДА

А.ПЛЕХАНОВ, В.ВАСИЛЬЕВ и Ю.БУРКИН в «Books»

Поет бард Олег ПОПЕНКО

Что может быть проще Поттера

Дмитрий Емец «Таня Гроттер и магический контрабас»

Кто не помнит жуткого ажиотажа вокруг «Гарри Поттера»! Сначала — бурные волны поттеромании, докатывающиеся из-за рубежа. История вокруг книг. Жаркие дискуссии о том, кто будет снимать фильм и кто достоин в нем играть.

Орден Британской империи Джоан Ролинг. Постеры, компьютерные игры, футболки, значки, ранцы...

Потом накрывает и нас. «Философский камень», «Тайная комната», «Узник Азкабана», «Кубок огня» — на книжном рынке они продаются то по одной, то все вместе (невзирая на то, что первые у всех уже есть), цены периодически взлетают до небес, подхлестываемые слухами о том, что книжки заканчиваются, допечатываться не будут, потому что у издательства закончилась лицензия (наехал рэкет, сгорела типография и т.п.). Народ хватает, читает взахлеб, делится восторгами или возмущением. Все это сопровождается жалобами на ужасные переводы...

И вот — радуйтесь, люди! Не надо больше дожидаться, пока кумир доберется к вам из Англии. Герой — вернее, героиня — стремительно влетает в вашу жизнь верхом на контрабасе. Правда, имя у нее какое-то знакомое... что-то такое напоминает, знаете ли... И сюжет... Где-то мы уже читали о бедных сиротках — может, у Диккенса? И язык какой-то... словно неудачный перевод. Если бы не фамилия автора на обложке — можно было бы решить, что Ролинг пыталась потрафить феминисткам.

Но нет, это не Ролинг. Это Россия обретает независимость от чужих героев. Сюжет от «Гарри Поттера», вредное кольцо от «Десятого королевства», шутки от поручика Ржевского, заклинания из детских считалок, Черные Шторы из детских страшилок... Очень впечатляюще! А самое главное — «вас ждет вторая (и третья) серия!»

День, когда пришел Кард

Орсон Скотт Кард «Сага о Вортинге» («Хроники Вортинга», «Капитолий», «Сказания Леса Вод»)

Первой опубликованной книгой Карда была повесть «Игра Эндера», которая со временем превратилась в знаменитый роман с тем же названием. Для нашего читателя Эндер — вполне заслуженно — был и остается «визитной карточкой» писателя.

Однако по-настоящему первым в творчестве Карда был рассказ «Медник», из которого потом и выросла «Сага о Вортинге».

В книгу, выпущенную издательством «АСТ», вошли недавно публиковавшиеся отдельным изданием «Хроники Вортинга», сюжетно дополняющие их рассказы из сборника «Капитолий» и изданные в первоначальном виде «Сказания Леса Вод», с которых, собственно, все и началось.

«Хроники Вортинга» — роман со сложной структурой, действие которого происходит в трех мирах: на предельно перенаселенной, закованной в сталь, лишенной природы планете Капитолий, жители которой подчиняют свое существование погоне за призрачным бессмертием; на Вортинге, в мире, который пилоту Язону пришлось колонизировать, имея в качестве помощников всего сто десять взрослых младенцев — людей с полностью утраченной памятью; и на планете, где люди долгое время не знали боли, потому что о них заботились далекие потомки Язона. «Сомек» было главное слово Капитолия, «чтение мыслей» — главное слово Вортинга. «Боль» стало главным словом заштатной планетенки — и всей книги. Счастье, боль и любовь — вот составляющие радости, вот смысл жизни, по мнению Язона. Согласятся ли с этим другие?

Согласитесь ли с этим вы? Если колеблетесь — есть еще «Капитолий». Рассказы о том, как живая планета становилась мертвой; о том, как люди становились заложниками бессмертия; о бунтарях, которых не устраивало ни первое, ни второе; о жертвах, которые неизбежны на любом пути... «Второй шанс», «Конец игры», «Петля жизни» — возможность заглянуть в глаза тем, о ком едва упоминалось в «Хрониках...»

А вот «Сказания Леса Вод»... Они, наверное, нужны для того, чтобы показать: никто не становится мастером сразу...

О чем узнал охотник

Сергей Лукьяненко «Спектр», роман в семи частях, с семью прологами и одним эпилогом

«Три книги в год — иначе не выжить. И пусть две из трех будут халтурой, массовым чтивом, космическими операми и фэнтези. Главное — продать рукопись, остаться в десятке, быть на слуху. Любая профессия имеет неписаный закон — вначале ты работаешь на авторитет, потом авторитет работает на тебя. Увы, в литературе авторитет держится недолго... да и не существует вообще, за малыми исключениями».

Так писал сам Лукьяненко лет семь назад в «Осенних визитах». Сейчас же, похоже, он стал тем самым исключением. Может себе позволить потомить читателя ожиданием.

Приятно в этой ситуации то, что ожидания оправдываются! Новый роман «Спектр», думаю, понравится всем. Если бы ключники существовали на самом деле, у Сергея проблем с оплатой путешествий не возникло бы. Разнообразие инопланетных рас, детективные сюжеты, размножающиеся из-за компьютерных багов и ошибок ключников девочки и Семецкие, прова-

лившиеся революции, исполненные пророчества, — и размышления о вопросах, которыми рано или поздно задается каждый. Прыгая от мира к миру, знакомясь с различными культурами — нетерпимые гордецы геддары, неприхотливые короткоживущие дио-дао, лишенные раздумий о смысле жизни аранки, деградирующие с возрастом шеали, разумные одноклеточные, — герой приходит к мысли, сформулированной еще Стругацкими в «Хромой судьбе»: за все нужно платить — за новую жизнь нужно платить старой жизнью. За жизнь Бога придется расплатиться человеческой душой и человеческим существованием...

Впрочем, не пугайтесь, не все так мрачно. Не захотите — никто вашу душу не отберет. Выберете отключить мозги — отключайте. Авантюрные повороты, яркие «картинки из жизни», стеб над туповатыми американсами, «кулинарные» отступления — все это в книге также присутствует. Как и любимые Лукьяненко игры в слова: прочитав первые слова каждой главы, вы (наконец-то!) поймете, чего так страстно желает каждый охотник.

Страшная сила любви

Объявление выглядело мирно, безобидно и обещало небольшой гонорар за «небольшую, несложную и приятную работу, связанную с испытанием новой косметики», вот только имело одно маленькое, но досадное ограничение — «Девушкам с данными фотомоделей просьба не беспокоить».

Впрочем, если разобраться, не такое уж и досадное.

— Иными словами, — хмыкнула Сью. — Приглашают именно таких серых мышек, как мы...

«А то и вообще крокодилов» — это не было сказано, но явно подразумевалось.

Впрочем, Сью всегда относилась к себе самокритично: и хорошо бы, если бы только к себе.

А собственно, почему бы не попробовать?

— Вот–вот, а Мерилин Монро по молодости поехала по такому объявлению, и там ее трахнули, — продолжала тем временем Сью.

— Думаю, это не было для нее шоком, — парировала Элен. В отличие от Сью, которую, хоть и с натяжкой, можно было отнести к категории «серых мышек», Элен больше напоминала ту категорию, которая подразумевалась.

— А сколько платят? — Кроме всего прочего, Сью отличалась еще и более практичным складом ума.

То есть это она так думала.

* * *

— Для начала, девушки, заполните небольшую анкету, — невысокий лысый толстячок, казалось, так и излучал бодрость и жизнерадостность.

— А... — раскрыла рот Сью, но менеджер тут же парировал еще не произнесенный вопрос.

— Да, это означает, что вы прошли первый этап отбора, ваши шансы попасть в команду я оцениваю процентов в сорок, все это абсолютно легально, законно и безопасно, а подробности потом.

— А, — рот так же быстро захлопнулся — кроме всего прочего, у нее были еще и кривые зубы.

Элен встретилась взглядом с еще одной кандидаткой — тощей длинноногой особой в безвкусном платье — и отвернулась. Надо же! Интересно, на что рассчитывает эта лошадь ?

И только через пару минут догадалась, что «лошадь» думает о ней то же самое.

Вопросы в анкете были не то что странными, а... неуместными, что ли. Ну понятно, «место жительства» — это нормально, где я работаю — тоже понятно, налоговое ведомство не спит, но кому, спрашивается, какое дело, каким мужчинам я отдаю предпочтение ?

А никаким.

То есть я, может, и отдала бы, и не только предпочтение, только что–то не находится того, кто бы этим воспользовался. Кому нужна...

— О'кей, девочки, о'кей, — толстячок бегло просмотрел анкеты, вежливо и молниеносно отфутболил крашеную блондинку (странно, вот на ней бы как раз косметику и испытывать), мелкую чернома... простите, сама знаю, что нехорошо, имела в виду — афроамериканскую потаскушку в разноцветной рубашке, «лошадь»... нет, эта как раз осталась.

— О'кей, девочки, о'кей, — судя по всему, настроение распорядителя все повышалось, а шансы кандидаток, соответственно, увеличивались. — Итак, работа вам предстоит простейшая...

* * *

Судя по объяснениям, это была и вовсе не работа.

Да, чем–то их разукрасили. Элен немного разбиралась в косметике, но, на первый взгляд, помада ничем не отличалась от того «Орифлейма», который ей регулярно всучивала секретарша шефа («это недорого, я бы тебе и так подарила, но... «), духи — от той водички, большую бутылку которой подарил Джо (нет, ну какая сволочь! Обычно о мужиках говорят «сунул, вынул и бежать» — так вот этот даже не всунул!), лак для ногтей — гм, лак как лак. Блестит. Не сыплется, по крайней мере, сразу.

И что, неужели сработает?

Элен вдруг почувствовала, как сердце вырывается из груди. Она хотела сравнить чувство с предвкушением первого свидания, но...

У нее никогда не было первого свидания.

У нее вообще не было свиданий.

Все мужики — сволочи.

А эти?..

* * *

Эти на первый взгляд не отличались от остальных, и только через пару минут Элен заметила странную спаянность компании. Все явно знали друг друга и не глядя определяли, что делает и даже что хочет сделать товарищ. Впрочем, загадка объяснилась буквально через минуту.

— Заходит он, значит, на привод, ему дают полосу А–четыре, он промахивается, заходит еще раз, путает полосы и чуть не садится на А–пять, но опять промахивается, заходит еще раз... Диспетчер ему с таким характерным фрицевским акцентом — вы что, мол, никогда не были во Франкфурте ? А он отвечает — был, но давненько, в сорок четвертом, и самолет мой был чуть поменьше...

Компания грохнула смехом, рассказчик обвел взглядом бар и вдруг — именно вдруг! — встретился глазами с Элен.

И замер.

Замерла и девушка, забыв все инструкции, начиная с маминых и кончая опубликованными в популярном издании «Как выйти замуж», забыла наставления толстячка, забыла... и пришла в себя только от ощутимого толчка локтем.

Хорошо, что Сью ни о чем не забыла !

Впрочем...

Впрочем, как она смеет так нагло улыбаться этому летчику! Я же его первая заметила!

В следующий момент она облегченно вздохнула, потому что пилот бледно улыбнулся Сью — и снова перевел взгляд...

Да! Да! Да!

Элен не ошиблась — он смотрел на нее.

Неизвестно откуда в мозгу вдруг вспыли все советы и наставления, она небрежно перевела взгляд на дверь, на окно, на замершего все с той же бледной улыбкой мужчину: «Стрельба глазами, упражнение одиннадцатое».

— Простите, — метод пилота был простым, отработанным и при других обстоятельствах мог показаться довольно нахальным. — Не разрешите ли угостить вас чем–нибудь?

* * *

— Поверить не могу, — первой позвонила утром Сью. — Мы, две старых, серых, некрасивых неудачницы сняли пилотов «Юнайтед Эйрлайнс!» Молодых, красивых, обеспеченных! И как сняли!

Элен молчала. Странные чувства переполняли ее. Радость? — Да, радость. Свершение мечты — это всегда радость. Грусть? — Да, разумеется, и грусть тоже. Легкая грусть по еще одному кусочку жизни. Может, поэтому плачут на свадьбах невесты? Горечь? — Возможно.

Возможно, не стоило добиваться цели с помощью таких методов?

— Каких еще методов? — Сью расхохоталась. — Ты что, действительно поверила, что дурацкий набор из помады, духов и лака для ногтей помог нам познакомиться с этими парнями? Не мели ерунды!..

* * *

Время поджимало, на улице, как всегда, были пробки, Нью–Йорк по утрам казался еще более серым, огромным и неуютным, небоскребы буквально давили. Смешно признаться — но за все время работы на шестидесятом этаже Элен так ни разу и не выглянула из окна. А Сью — та, наоборот, смеялась, шутила и говорила, что неоднократно пыталась рассмотреть подругу в здании напротив.

Они чмокнулись на прощанье и разошлись, пообещав друг другу встретиться в кафетерии за обедом.

* * *

— Слушай, Пит, ну между нами, ну по–мужски, ну что ты в ней нашел?

Вопрошавший был вторым пилотом и, как обычно, вместо управления самолетом чесал языком, доставал инженера, гонял стюардесс за кофе и кока–колой — в общем, занимался тем, чем и занимаются обычно вторые пилоты.

Впрочем, и у первого пилота времени на болтовню хватало. Рейс был обычным, обычнее некуда, самолет — «умным» и современным «Боингом–737», и пилоты часто шутили, что компания могла бы здорово сэкономить на первых пилотах, которым все равно делать в полете нечего.

Интересно, что шутили так в основном вторые пилоты.

Пит улыбался.

Он улыбался, подходя к самолету, улыбался, выглядывая в салон, улыбался на взлете, улыбался так, что пассажиры чувствовали себя еще увереннее, чем обычно.

Он был счастлив. И молод. И любим.

— Что нашел, говоришь? — пилот улыбнулся еще шире. — Сам не знаю.

Он замолчал и через некоторое время добавил:

— Знаю только, что другой такой женщины нет во всем мире, и ради одного ее взгляда я готов... а уж если она позовет...

Он смова умолк, второй пилот вздохнул, выразительно покрутил пальцем у виска и проворчал что–то насчет отсутствия мозгов у всех влюбленных.

* * *

— Все о'кей, шеф, — парень был нахальным, противным, почти открыто покуривал травку, и командир был бы очень рад заполучить его — хотя бы ненадолго ! — в любой из тренировочных лагерей, где намного более достойные молодые люди...

— Все о'кей, шеф, — повторил оператор. — Можем запускать. Нажмите «Enter», и все эти доходяги полетят на встречу со своими козочками, как мотыльки на свет, ха–ха. Только их не остановят ни сталь, ни бетон, ни...

— Заткнись, — негромко сказал командир. В эту минуту, в этот торжественный для всех борцов миг любая пошлость казалась особенно неуместной.

Он встряхнул головой и кивнул.

— Нажимай !

* * *

Элен встрепенулась и неожиданно для себя самой устремила взгляд в окно. Там, в глубине, под облаком смога и пыли, жил город, огромный город, а где–то на востоке удалялся от нее со скоростью полутысячи миль в час ее любимый...

Ей вдруг очень захотелось его увидеть.

* * *

Летчик дернулся и медленно, словно нехотя, потянулся к кнопке автопилота.

— Ты чего, командир? — удивился второй и рефлекторно оглянулся на свой сектор приборов. Этого мига хватило.

— Я иду к тебе, любимая! — прошептал первый пилот.

На горизонте медленным серым пятном рос город.

— Я иду!..

Две серые башни подпирали такое же серое небо.

— Я...

Радий РАДУТНЫЙ

Моление о шаре

«Он был не золотой, он был скорее медный, совершенно гладкий, красноватый, и он мутно отсвечивал на солнце. Он лежал под дальней стеной карьера, уютно устроившись среди куч рыхлой породы, и даже отсюда было видно, какой он массивный и как тяжко придавил он свое ложе. В нем не было ничего разочаровывающего или внушающего сомнение, но не было и ничего, внушающего надежду. Почему-то сразу в голову приходила мысль, что он, вероятно, полый и что на ощупь он должен быть горячим — наверное, от солнца. Он явно не светился своим светом, и он явно был неспособен взлетать на

Покатили!

воздух и плясать, как это часто случалось в легендах о нем. Он лежал там, где он упал, — может быть, вывалился из какого-нибудь огромного кармана или затерялся, закатился во время игры каких-то гигантов, — он не был установлен здесь, он валялся точно так же, как все эти «пустышки»,

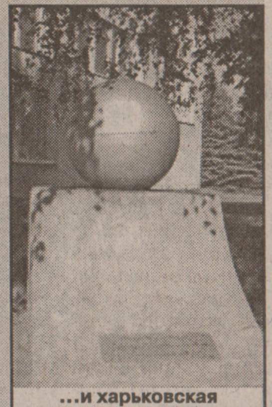
Шара киевская...

«браслеты», «батарейки» и прочий мусор, оставшийся от Посещения».

Всем хорошо известно это описание Золотого шара из «Пикника на обочине» А. и Б.Стругацких. Золотого шара, исполняющего заветные желания. Золотого шара, лежащего глубоко в Зоне и огражденного такими ловушками, что дойти до него можно, только убив в себе все человеческое и просто — убив.

Разумеется, это фантастика. Нет на Земле такой Зоны, нет сталкеров, крадущихся мимо «комариных плешей», по трупам пробирающихся к заветному Шару.

Но зато есть на земле люди, которые «рождены, чтоб сказку сделать былью». Кто это? Ну конечно же, летчики! Точнее, студенты киевского и харьковского авиационных вузов. Правда, Шары (с ударением на «а») у них не золотые и желания в основном исполняют сугубо конкретные — чтобы шара на экзамене прокатила, но авиаторы ими гордятся, с удовольствием демонстрируют друзьям и учат пользоваться волшебными артефактами.

...и харьковская

Киевская Шара, как и подобает столичной цаце, покрупнее. Она лежит в парке, за озером Интеграл, и добраться до нее без провожатых довольно сложно. Еще сложнее отыскать ее ночью, а ведь это необходимо для исполнения магического ритуала: ровно в полночь покатать ее с криками по парку, чтобы она запомнила, как это делается, и назавтра повторила то же на экзамене. А чтобы не забыла — студенты пишут на ее боках свои данные: имя, факультет, группа, по какому предмету нужна помощь... Приходят к Шаре на поклон не только местные студенты, но и учащиеся медицинского, педагогического, политехнического и других киевских вузов. Некоторые особо наивные просят помощи и в любви.

Харьковчане к своей Шаре относятся более уважительно, не стаскивают ее, что ни сессия, с пьедестала. Лежит она возле учебного корпуса и ждет балбесов, которым лень зубрить и писать шпаргалки. Для ее задабривания прибегают к таким проверенным способам:

1. Полить Шару пивом.
2. Пожертвовать Шаре мелочь. Впрочем, монетку, некоторое время полежавшую на Шаре, потом можно забрать — но ни в коем случае не тратить, иначе отпугнешь удачу навсегда.
3. И, наконец, можно провести групповой сеанс «Моления о шаре». Для этого Шару окружают, возлагают на нее руки и хором произносят высеченные на пьедестале слова: «Шара всем даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

...Я лично на Шару не в обиде.

Роман КАРАКОЗ

Автор благодарит за помощь студентов ХАИ Бориса Шамарина и Олега Солодухина и студента Харьковского национального университета радиоэлектроники Алексея Сергеева.

Шара forever!

...и пусть никто не уйдет обиженным

«ДЮНА»: ПРЕДЫСТОРИЯ НЕ КОНЧАЕТСЯ

Российским любителям «Дюны» снова есть чего ждать: завершив работу над трилогией «Прелюдия к Дюне», Брайан Герберт и Кевин Андерсон взялись за новую трилогию «Легенды Дюны», первая книга которой только что вышла в США. В трилогии будут описаны первое столкновение родов Атридов и Харконненов, приведшее к многовековой вражде, борьба Серены Батлер и ее сподвижников против власти машин, изобретение силовых щитов Тио Хольцманом, основание Империи родом Коррино, исход дзен-суннитов, с боями прорвавшихся на Арракис. К тому же периоду относятся первые ростки орденов Бене Гессерит, школы ментатов, медицинской школы Сукк и многих других социальных институтов, описанных Фрэнком Гербертом в начальных романах цикла.

Первый роман трилогии «Легенды Дюны» называется «The Butlerian Jihad» («Джихад батлерианцев»), второй и третий будут называться «The Machine Crusade» («Крестовый поход машин») и «The Battle of Corrin» («Битва при Коррин»), они должны выйти в сентябре 2003 и сентябре 2004 года соответственно. На официальном сайте Дюны можно ознакомиться с отрывком из романа «Джихад слуг» и связанным с романом рассказам «Hunting Harkonnens».

Новой трилогией планы соавторов не ограничиваются: на сайте есть информация, что задумана также трилогия «Paul of Dune», которая расскажет о детстве главного героя «Дюны».

В целом хронология цикла теперь выглядит так:

Легенды Дюны
(Б.Герберт и К.Андерсон)
«Джихад батлерианцев»
«Крестовый поход машин»
«Битва при Коррин»

Прелюдия к Дюне
(Б.Герберт и К.Андерсон)
«Дюна: Дом Атридов»
«Дюна: Дом Харконнен»
«Дюна: Дом Коррино»

Классический цикл
(Фрэнк Герберт)
«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог — Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Сергей БЕРЕЖНОЙ
(Курьер SF,
http://rusf.ru/courier)

Сергей Дяченко: «Хотел бы сыграть дракона»

Киевские писатели Марина и Сергей Дяченко хорошо известны любителям фантастики. Романы из цикла «Скитальцы» («Привратник», «Шрам», «Преемник», «Авантюрист»), первый из которых вышел восемь лет назад, сразу же привлекли внимание как читателей, так и критиков. И с тех пор авторы продолжают удивлять и радовать своих поклонников все новыми произведениями, отличительными чертами которых являются тонкий психологизм, увлекательный сюжет, великолепный язык — и какое-то удивительное бесстрашие. Марина и Сергей заглядывают в самые глубины человеческих душ — и душа читателя тоже открывается им навстречу. Не зря одна из последних работ киевского дуэта роман «Долина совести» был признан лучшим участниками фестиваля «Звездный мост». О том, как рождаются такие замечательные книги, мы беседуем сегодня с Сергеем Дяченко.

— Первый вопрос достаточно банален. Давно стало привычным, что соавторами бывают мужчины: Стругацкие, Олди... А вы пишете с женой. Скажите, помогает в работе такое наличие одновременно мужского и женского взгляда, или делает ее сложнее?

— Безусловно, помогает. Причем здесь была определенная эволюция, потому что нашу первую книгу восемь лет назад мы писали как бы под доминантой мужского начала, я себя чувствовал более мудрым, более опытным, с удовольствием просвещал Маринку в азах построения сюжета и композиции. Стилем она владела и до встречи со мной, это у нее просто врожденное, она об этом не знала, но это у нее было. А теперь очень многое поменялось. Она за это время эволюционировала катастрофическим образом. Теперь я у нее учусь многим вещам. Я по профессии кинодраматург, а Маринка, хотя у нее нет специального образования, обучалась все эти годы, анализировала, и теперь многие вещи она чувствует лучше меня. Мне это даже несколько прискорбно говорить, потому что где же мужское начало? Однако исконная женская сущность проявляется в интуиции, в какой-то гармонии исходной. Я научился прислушиваться к этому. Ну и Маринка хитрая. Ведь если мы спорим, она знает, что я человек упрямый, и мне говорить «нет» или настаивать на своем опасно. Поэтому она оставляет этот разговор и заводит его на следующий день, через день: «Сережа, а вот если посмотреть на это по-другому, если сделать так...» В общем, через несколько дней, глядишь, я с ней соглашаюсь полностью. И, наверное, это к счастью, потому что были ситуации и в творчестве и в быту, когда я не слушался ее, поступал как хотел, и это приносило свои горькие плоды. Теперь я больше прислушиваюсь к ее интуиции, и наши мужское и женское начала пришли к некому равновесию. Что будет дальше — не знаю.

— Если у вас возникают разногласия по тексту, кто отстаивает более жесткую позицию по отношению к герою?

— Есть вещи, принципиальные для Маринки, — она никогда не переступит определенные табу. И в то же время и у меня есть такие вещи. Мы просто избегаем этого, не ставим вопрос ребром. Это, в частности, касается меры натурализма. Мы по-разному ее понимаем. Я работал психиатром, многое видел и знаю в этой жизни, поэтому для меня эта мера одна, а для Маринки — волшебницы, камерного человека, романтика, эта мера совсем другая. Можно было бы склонить ее как-то насильственно принять мою точку зрения, но тогда пропадает естественность, да и Марина мучается, если приходится писать такой тяжелый для нее текст. Поэтому находим грань, удовлетворяющую и ее, и меня.

— А если говорить не о натурализме, а о том, насколько трудным испытаниям подвергнуть героя?

— Вот я со сладострастием его подвергаю любым испытаниям, исходя из психиатрии и агрессивности мужской, а она его защищает всячески, оберегает. И у нас по этому поводу, разумеется, бесконечные споры. Маринка психиатрию мою переводит в психологию. Ну, в общем-то, это, наверное, тоже хорошо.

— Ваши последние книжки становятся все более жесткими. К вашему творчеству применяют термин «магический реализм», но оно становится все менее магическим и все более реальным. У вас не появилось никакого нового термина?

— М-реализм... Если наукообразно, то это мета-реализм, мне нравится это слово. Но на самом деле это Маринкин реализм. Это дань моего уважения ее таланту, ее способностям. Я стараюсь следовать руслом ее устремлений, ее чувств. Они глубже и тоньше, как у каждой женщины. А то, что вы отметили, это есть. Может быть, это мое влияние, но это еще и влияние самой жизни.

— Мне кажется, это даже интереснее, чем просто сказки...

— Да, но с некоторой грустью это приходится констатировать, потому что реалистическая фантастика, убирая элемент волшебности, убирает и долю романтики, в какой-то степени обедняя текст. И никуда не денешься. Во-первых, имея такого мужа, как я, поневоле станешь реалистом. А во-вторых, Маринка, взрослея, приобретая все больший опыт жизни, тоже движется в сторону реализма. Я очень надеюсь, что исконные ее черты, способность к волшебному мировосприятию, удивленному, гармоничному, останутся с ней навсегда, и никакие психиатры своей черной работой не смогут это поломать.

— «Сказки для Стаски» — это своего рода компенсация за большую реалистичность остальных книг?

— Да, это ее песня.

— Маринина?

— Да, больше Маринина. Там есть и некоторые сюжеты, придуманные самой Стаской. Но самое главное — дочка у нас главный эксперт, и многие сказки не увидели света не потому даже, что они Стаске не понравились, но понравились меньше, чем те, которые вы читали. Она ведь требует каждый вечер новую сказку, и тут очень опасно стать ремесленником, поставить продукцию на поток. Вечером иногда устаешь, по-всякому бывает, так что не каждая сказка потом публикуется. Сейчас у нас выходит несколько книг в киевском издательстве «А-ба-ба-га-ла-ма-га», в том числе и «Воздушные рыбки» (это «Сказки для Стаски»), и некоторые другие, например, «Приключения жирафчика». Это такая история о девочке — Шерлоке Холмсе шестилетнего возраста, детективный цикл. Посмотрим, что будет дальше. Стаска растет, и наши сказки растут вместе с ней. Мне кажется, что мы еще очень изменимся, когда Стаске будет лет двенадцать. У нас сейчас нет такого семейного чтения — литература существует либо для взрослых, либо для детей, и никак мы не можем пока поймать общее. Надеюсь, с помощью Стаски мы это сумеем.

— Сейчас вашим общим соавтором является кот Дюшес. А когда вы планируете взять в соавторы дочку?

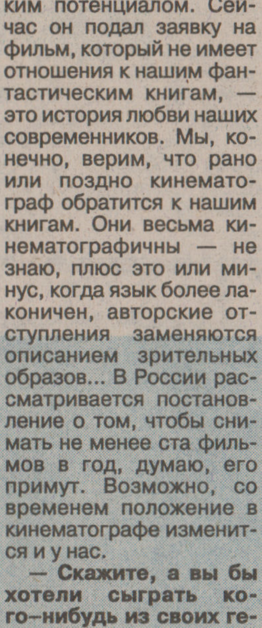
— Я, конечно, мечтаю, чтобы она была гуманитарием, глубоко знала культуру, языки, нас просвещала. Потому что мы, пишущие люди, — темные. Не успеваешь все читать, тем более с языками проблема. Стаска могла бы быть звездным мостом в мир большой литературы. Но станет ли она таким мостом — понятия не имею, и никто этого не знает. Мы не будем ее заставлять. Очень важно понять, чего хочет она. А она на сегодняшний день хочет рисовать, заниматься музыкой, бадминтоном, плаванием — ну и выйти замуж.

— А актрисой она стать не хочет?

— У нее это прошло. Так же, как и мечта стать летчиком и пожарным.

— Когда-то Марину спрашивали, кого из своих героинь она хотела бы сыграть на сцене. Она, как мне показалось, с грустью сказала, что как актриса давно дисквалифицировалась. Но в последних ваших работах вы все чаще обращаетесь к теме театра. С чем это связано?

— Может быть, как раз с этой грустью. Я никогда не забуду, как мы пришли на первую репетицию нашей пьесы «Дон Кихот». Видели бы вы Марину,

когда она вступила в эту атмосферу — сцена, колосники... Да она просто затрепетала вся! Любовь к театру в ней живет, глубоко в душе. Но она интраверт, человек стеснительный — не представляю, как это может сочетаться с актерской профессией. Преподавание в театральном институте — это ее, она преподаватель великолепный, студенты ее обожают. А вот на сцену выходить... Я видел ее в роли Дездемоны, молодой романтичной девушки, — там она играла сама себя. А вот дальнейшая карьера как у нее бы сложилась — не представляю, если бы не появился Сергей Сергеевич, который сказал: «Хватит театра, мы будем заниматься литературой». И сейчас, когда она пишет, актерская профессия помогает ей перевоплощаться в своих героинь — получается потрясающий сплав. Ну и, естественно, появляется в книгах театр, закулисье — мир, который Марина прекрасно знает.

Возможно, судьба подарит нам более близкое знакомство с миром кино, и откроется еще одно окошко в мир. Мы сейчас подружились с Сергеем Маслобойщиковым. Это один из самых талантливых режиссеров Украины, с огромным творческим потенциалом. Сейчас он подал заявку на фильм, который не имеет отношения к нашим фантастическим книгам, — это история любви наших современников. Мы, конечно, верим, что рано или поздно кинематограф обратится к нашим книгам. Они весьма кинематографичны — не знаю, плюс это или минус, когда язык более лаконичен, авторские отступления заменяются описанием зрительных образов... В России рассматривается постановление о том, чтобы снимать не менее ста фильмов в год, думаю, его примут. Возможно, со временем положение в кинематографе изменится и у нас.

— Скажите, а вы бы хотели сыграть кого-нибудь из своих героев?

— Безусловно. Например, один из моих любимых героев — Эгерт в «Шраме». Я его изнутри чувствую и понимаю. Когда увидел его на обложке книги, я просто ужаснулся — на картинке он совсем не такой, каким я его представляю. Или, скажем, прекрасный образ дракона Армана из «Ритуала» — тонкий человек, поэт. Очень хотелось бы его сыграть, да кто мне даст?..

— И в завершение — о творческих замыслах. Над чем вы работаете сейчас?

— Пытаемся написать новый роман, «Пандем». Очень трудно — задумка большая и хорошая, жалко испортить. Работа близка к завершению. Думаю, роман этот многих удивит — уж очень необычен для нас.

Беседовала
Ольга ОПАНАСЕНКО

ЭПИГРАММЫ

Творчеству М. и С. Дяченко

Берешь героиню —
тонкую, нервную! —
Съедаешь на первое.
Берешь пожилого
красавца-героя
И ешь на второе.
Появятся рядом друзья или дети —
Их, значит, на третье.
Вы думали,
это — канва для сюжета?
Нет, это диета.

(О. Ладыженский — сам признался)

Повести «Кон»

Едва глаза сомкну,
Как сразу снится мне:
Читатель на «Кону»,
А автор — на коне!

М. и С. Дяченко

У Марины и Сергея
Жизнь достигла апогея —
Испытали даже музы
На себе, что значат УЗЫ!!!

На роман «Долина совести»

Вышел в дверь,
надел стальные латы,
Взял копье и сунул ногу в стремя.
Под конем Долина Совести
стонала:
«Влево, друг! —
там Букеров палаты!..
Вправо, друг! —
там горы всяких премий!..»
Прямо еду.
Прямо в пасть финала.

(Авторы не установлены)

ИТОГИ КОНКУРСА «ЭПИГРАММА Ф»

Первое место —
Олег ЛАДЫЖЕНСКИЙ (Харьков)

А.Дашкову

Если папа маму гложет,
Сыну высосав глаза, —
То Дашков об этом сможет
Очень стильно рассказать.

Второе место —
Евгений БОЧКИН (Белгород)

Объявление, сорванное со столба перед входом в Благовещенский собор после выхода повести Г.Л.Олди «Где отец твой, Адам?»

Люди! Меняю! Доплата. Удобства.
Неограниченный срок.
Все абсолютно на счастье отцовства.
Дья... (перечеркнуто)
Бог.

Третье место —
Юрий СЕМЕЦКИЙ (Москва)

Реакция Семецкого на образ одноименного героя из романа А.Белянина «Сестричка из преисподней»

Я чаек попивал со смородиной.
Улыбался и мечтал
пасть за Родину...
Не глумитесь, спрячьте жало.
Хрен вам всем через плечо.
Меня русская рожала,
а не кто-нибудь еще.
Меня плющит не по-детски,
Как в программе «Будь здоров».
Кто сказал, что я Семецкий?
Я же вылитый Петров!

Ридингофобия

Деликатный стук в дверь. Входит пациент. Глаз закрывает плотная черная повязка. Оба глаза.

— Я, — спрашивает, — туда попал?

— Похоже на то, — отвечаю. — Что у вас с глазами?

Идет на голос, нащупывает стул. Садится: спина прямая, руки на коленях.

— Спасибо, — говорит, — с глазами у меня все в порядке.

— Что же вас, в таком случае, беспокоит?

— Ах, доктор, — вздыхает. — Если в двух словах, то я боюсь «наезда».

— Не бойтесь, — успокаиваю. — У нас тут не правительственная клиника. Контингент простой, никаких наездов.

— Да я не в том смысле, — отмахивается. — Понимаете, последнее время со мной происходят странные вещи.

— Например?

— Все началось с того, что я как-то раз прочитал сыну перед сном «Колобка».

— Мелкий шрифт? — предполагаю. — Плохое освещение?

— Да нет же! Повторяю, на зрение у меня жалоб нет.

— Продолжайте.

— Так вот. А на следующее утро я по рассеянности не заметил, что дорога рядом с домом только что заасфальтирована. Как следствие, увяз в горячем гудроне по щиколотку. Вдобавок, на меня почти наехал каток.

— Легко отделались, — заключаю после беглого осмотра.

— Да я-то что! Туфли жалко. Теперь навсегда увековечены в асфальте.

— Так. — Поправляю зеркальце на лбу. — И какая же связь между катком и «Колобком»?

— Ну как же! — Пациент нервно подпрыгивает на стуле. — И то, и другое катится.

— А-а... — Наблюдаю за лениво ползущим по стене солнечным зайчиком.

— Признаться, я тоже не сразу уловил взаимосвязь. Только после второго случая. Представляете, еду в метро, читаю Толстого; Вронский, Облонский, Каренина — все так перемешалось, как вдруг объявляют мою остановку. Вскакиваю, выбегаю из пресловутой последней двери последнего вагона, и тут кто-то меня толкает в бок и сбрасывает прямо на рельсы. Хорошо, что поезд тронулся вперед, а не назад. Да и упал я аккуратно, почти не ушибся... Но с того раза начал задумываться. Анализировать.

— Дальше... — начинаю подгонять.

— Больше! — откликается. — Чехова стал перечитывать уже сознательно. В порядке, так сказать, эксперимента. Я и прочел-то от силы страницы три. Зато потом минут пять бегал по проспекту от синей «Чайки» с правительственными номерами. И всю ночь во сне меня преследовали серебристые олени, разукрашенные трехцветными флажками.

— Это только с книгами у вас такие проблемы? — интересуюсь.

— Если бы! Книгами, в крайнем случае, можно пожертвовать. Но вот когда я был на приеме у психиатра...

— Ах, так все-таки были? — осведомляюсь вежливо. А сам вздыхаю про себя: запоздал мой ценный совет, запоздал...

— Естественно, — отвечает. — Первым делом. Как человек здравомыслящий — не мог исключить.

— И что?

— Кажется, он мне не поверил. Сначала. Подозревал в скрытой ридингофобии. Поставил эксперимент. Включил телевизор, там как раз старое кино показывали, «Волга-Волга». Мы только начальные титры посмотрели — и на улицу вдвоем. Движение там спокойное, одностороннее. Да и до проезжей части мы не дошли, остановились на тротуаре, он — чуть ближе к бордюру, я чуть дальше. И вдруг, откуда ни возьмись, вылетают две «Волги», причем, что характерно, с разных сторон. Жуткий скрип, скрежет, свист — и обе машины выносит на тротуар. Хорошо, я успел отпрыгнуть. Психиатр тоже оказался почти в порядке, я его навещал потом, скоро уже совсем выпишут.

— Выходит, не только книги на вас влияют? Любые слова, где бы вы их ни прочли, имеющие непосредственное отношение к транспорту?

— Ха! — Воодушевленно теребит глазную повязку. — Если бы непосредственное! Иногда достаточно ассоциации, подчас неявной. Вспомните хотя бы колобка! Или еще... Один раз гуляю в парке, за десять метров обхожу отдыхающих с газетами, смотрю строго под ноги. Вдруг вижу — белой краской на асфальте написано, крупно так, СТАРТ. Ну все, думаю, скоро будет ФИНИШ. Тут же за спиной дикий рев, и в меня на полном ходу врезается какой-то пацан. Хорошо, хоть на карте, а не на, предположим, «КАМАЗе». Веселые у них, понимаете ли, старты. Картинги.

Сочувственно цокаю языком.

— М-да... Но опасность всякий раз исходит от машин?.. поездов? Короче, средств передвижения?

— Увы, нет. В последний раз — совсем странно! — я имел неосторожность прочесть вывеску «МЯСО» над входом в одноименный магазин. Казалось бы, ну чем это может мне грозить? Вот и я решил: ничем! Иду себе спокойненько, вдруг в конце улицы показывается здоровенный рефрижератор. Я, естественно, в подъезд — пережидать. А там трое уже пережидают, пьют пиво, все в шарфах и боевой раскраске. Это мне потом уже, в травмпункте объяснили, что «мясо» — это еще и, в некотором смысле, московский «Спартак».

— Знаю, — говорю. — Это потому что их прежнее название — «Пищевик». Дальше что?

— Ну, что... — Сникает. — Обступили. Двое, не сговариваясь, спросили время, один — закурить. У меня не оказалось ни того, ни другого. Тогда они вежливо поинтересовались, знаю ли я, какое погоняло у стража ворот красно-белых. В смысле, кликуха.

— А вы?

— Поймите, — прижимает руку к груди, — я к футболу равнодушен. Так, слышал что-то краем уха. Помню, вроде смешное какое-то у их вратаря прозвище. Детское. Ну и сказал наобум: Хрюша.

— И что?

— Снова наезд. В три наката.

Не спеша перевариваю. Хорошо еще фамилию центрфорварда не спросили, думаю. Говорю:

— Это все очень интересно. Но от меня-то вы чего хотите?

— Как же? — удивляется. — Вы ведь окулист!

— Да, — киваю, хоть он меня не видит. — Но не специалист по оккультизму! С необъяснимыми явлениями — это не ко мне. Попробуйте вторая дверь налево. — Каламбурю: — Там пара парапсихологов помещение арендует. — Снова каламбурю, с чувством: — Гомеопатов.

— Но послушайте... — Приходит в смятение. — Все эти странные события происходят со мной только после того, как я что-нибудь прочту. То есть получу информацию через глаза. Органы, простите меня, зрения! Это же ваша специальность, доктор! — Всхлипывает. — Если и вы мне не поможете...

— Ладно, — говорю. — Снимайте повязку.

— А это безопасно? — настораживается.

— Безопасно, — гарантирую. — Все бумаги я в стол убрал.

Сам задергиваю штору на окне: в витрине закусочной через улицу большими буквами: ЖИГУЛЕВСКОЕ. Мнительность не заразна, но мало ли... Еще бросится сдуру под мою «шестерку».

Пациент опасливо щурится.

— Так. Теперь не моргайте, — прошу. Осматриваю.

Обыкновенные глаза, только все время бегают. Рутинные процедуры.

— Глазное дно в норме, — говорю. — Хрусталик тоже. Радужка, сетчатка — все на месте. Зрение должно быть отличное.

— Увы, — вздыхает.

— Третью снизу строчку видите?

Бросает мимолетный взгляд на таблицу.

— Вижу, конечно. Только читать боюсь.

— Бросьте, — говорю строго. — Уж это-то наверняка безопасно. Просто набор букв, никакого смысла, никаких ассоциаций.

— Н, К, И... — читает. — Б, М, Ш, Ы, В.

— Верно, — говорю, не глядя. Задумываюсь. — Знаете, что?

— Что? — озаряется надеждой.

— А в обратную сторону? — Жду, пока прочтет. — Вот так и с остальными словами поступайте. Если уж попадутся на глаза — читайте смело, но задом наперед. Понимаете?

— Конечно, — кивает. — А в чем смысл?

— Не знаю, — признаюсь. — Но как вариант... И еще, приходите, если хотите, завтра. Я проконсультируюсь с коллегами, может, у кого-нибудь были похожие случаи.

— Хорошо. Спасибо вам, доктор, — говорит. Натягивает на глаза повязку, на ощупь покидает кабинет.

Правда, назавтра мне оказалось не до него. Да и вообще не до чего. Потому что буквально через минуту после его ухода как раз и приземлился первый корабль с этими... Ну, у которых имена в обе стороны одинаково читаются. Нки... Нкибмш... Нет, ужасные у них имена, человеку без подготовки не выговорить. Словом, с инопланетянами. Причем, что удивительно, не где-нибудь приземлился — прямо перед нашей поликлиникой! А еще удивительней, как такая махина, да еще на субсветовых, умудрилась так точно в наш двор вписаться. И ведь почти, как говорится, без жертв и разрушений. Правда, «шестерку» мою древнюю, под окнами стояла, сплющило до мономолекул. Ну да бог с ней, ради такого дела не жалко. И еще говорят, перед самым приземлением парень какой-то из поликлиники на улицу вышел. Вот его по-настоящему жаль. Такое событие, первый контакт — и надо же!

— М-да, не повезло.

Олег ОВЧИННИКОВ,
г. Москва

Z-11
№11(110)
2002 год

Каждого Семецкого — уничтожить!

Я поначалу хотела назвать эту статью «Человек с тысячью смертей» — так выглядело бы гораздо более эффектно и интригующе. Но — увы! — противоречило бы истине. Юрий Семецкий — человек, которого действительно стремятся уничтожить (и не по одному разу!) практически все наиболее популярные писатели–фантасты. Однако до тысячи Семецких они счет довести еще не успели...

Писатели — народ творческий. Начав с убийств «на заднем плане» (типа главные герои прилетели — а Семецкий уже мертв (В.Васильев, «Смерть или слава») и упоминаний вскользь («Девятилетний Юрик Семецкий, проживающий в Москве... погиб от асфиксии, захлебнувшись в ванне» — В.Васильев, С.Лукьяненко «Дневной дозор»), они постоянно совершенствуют как методику убийств, так и способ включения убиваемого в повествование.

Каждому ведь уже понятно: если в книге появился Семецкий, его убьют непременно. Вопрос только — когда. Возможно, он будет активно действовать на протяжении всего романа и геройски погибнет в самом конце, как это случилось, например, с престарелым богатым свиноводом–инвалидом.

«...в этот миг что–то железное стремительно, с бешено вращающимися колесами промчалось между мной и Наташей, сбивая нас на пол, обдавая ветром и ревом мотора! Рука старика Семецкого крепко сжимала джойстик на подлокотнике инвалидного кресла... Я успел увидеть искаженное ужасом лицо Аллы Нейдже, плюющийся огнем бластер в руке Снежинской. А потом инвалидное кресло Семецкого врезалось в них пылающим болидом» (С.Лукьяненко «Танцы на снегу»).

А возможно, он будет персонажем второго плана — байку о его падении в чан с икрой расскажут главному герою. А потом Семецкий, конечно же, погибнет. Но перед смертью успеет выслушать извинения автора за то, что тот когда–то назвал предыдущего Юрия «человечком»:

«Позавчера в лазарете умер Семецкий, самый тяжелый из наших раненых... Перед смертью он пришел в сознание и, отодвинув принесенную заботливыми друзьями банку икры, попросил позвать меня. «Ведь я человек?» — спросил он, и на губах его запузырилась кровь. — Скажи, Тим, я не эксмен?» «Ты хомбре, — ответил я ему, вспомнив вычитанное где–то слово. — Человечище». Он улыбнулся и покачал головой: «Беда... Нет, хочу быть просто человеком...» С тем и умер — улыбаясь» (А.Громов «Тысяча и один день»).

Некоторые писатели, по разу–другому уже уничтожившие Семецкого, создают клонов «Великого убитого»:

«...книжный магазин, принадлежащий Юрию Ка–второму Семецкому, не просто развалился, но и погреб под собой хозяина. Рыдающая супруга рассказывала, каким хорошим человеком был Семецкий Ка–второй. Гораздо лучше первого, с которым она тоже была знакома... Очень любил форель... Замечательно подражал крику болотного зяблика... Верил в переселение душ и уверял, что помнит свои прежние жизни — каждая из которых заканчивалась трагической смертью... вот, словно напророчил сам себе...» (С.Лукьяненко «Геном»).

В последнее время Семецкого все чаще наделяют той или иной формой бессмертия.

«Сезон охоты на бедного библиофила был объявлен повсеместно! Суть трагедии в том, что мэтр Семецкий оказался... бессмертным... Его можно было вешать, расстреливать, обезглавливать, взрывать с потрохами — наутро следующего дня воскресший из небытия книготорговец вновь отпирал двери собственной лавки» (А.Белянин «Сестренка из преисподней»).

Популярность и дурная слава Семецкого достигла уже таких высот, что Сергей Лукьяненко в своем последнем романе убивает его, даже не называя, — искушенный читатель и так узнает любимого героя, его «благородную залысину, открывающую высокий лоб мыслителя и большую часть темечка». Тем более что ковбой, суеверно скрывающий свое имя, «худ, но жилист», и вообще кажется «просто средоточием вселенских скорбей». Будешь тут скорбным, когда смерть ходит по пятам! (Для неискушенных читателей — пояснения в «фиолетовой» главе.) Правда, следует отдать Сергею должное — очевидно, в качестве компенсации он предварительно позволил Семецкому пристрелить и себя, и других «убивцев».

Конечно, есть и такие писатели, которые убивать Семецкого упорно отказываются. Так, ни разу еще не убили Юрия Олди. Но когда на пресс–конференции им был задан вопрос: когда же, собственно?... — Олди заколебались. Масла в огонь подлил Юлий Буркин, который заявил: «Как человек, убивавший Семецкого, могу сказать: это очень приятно. Попробуйте, рекомендую!» Вполне возможно, полку убийц прибудет в самом скором будущем.

Так что давайте воспользуемся случаем и послушаем живого Юрия Семецкого.

— Юра, сколько раз тебя убивали и кто?

— Не считал. Уже много. Я знаю не обо всех случаях покушений с летальным исходом. Некоторые недобросовестные авторы не считают себя обязанными сообщать мне о такой ерунде.

— Кто первый начал и почему?

— Первым начал Воха, убив лишнего героя (это я так о себе), или Лукьяненко — абсолютно случайным образом. Я в их спор не вмешиваюсь. Мне, например, куда интереснее было бы узнать — кто это сделал вторым (считаю, что они оба первые). Претенденты, правда, прежние — Васильев или Лукьяненко.

— Кто убил тебя лучше всех? Кто хуже всех?

— Поскольку за лучшее убийство вручается ежегодная премия, то можно считать, что ее лауреаты и есть самые удачливые убийцы. Это Сергей Лукьяненко, Александр Громов, Юлий Буркин, Леонид Каганов, Далия Трускиновская (с ремаркой — за гуманизм), Дмитрий Байкалов (за ряд статей, эссе, очерков и рецензий на романы, где меня убивали). Отметил бы романы Янковского «Флейта и ветер» и Скаландиса «Скрытая угроза» — это претенденты на следующий год. По–видимому, следует к двум вышеназванным добавить роман Лукьяненко «Спектр». Из не отмеченных лауреатством лучший Рома Злотников: спасти человечество, даже ценой собственной жизни, — что может быть прекраснее... (разве что любовь любимой женщины).

Что касается «худших», то, мне кажется, это слово в данном случае вообще не подходит. Убили все очень хорошо, качественно, подчас и мокрого места не оставалось. Вот до чего хорошо. А вот наиболее формально это сделали Васильев и Дивов. Васильев первый раз убил меня за ненадобностью, второй — по приколу, третий — за компанию...

— Ты говорил о каких–то точках сингулярности... Если можно, подробнее — с чем тебя там едят?

— Это из романа Скаландиса «Скрытая угроза». Меня там не едят. На меня там охотятся все спецслужбы мира — но что они могут против Семецкого? Ну, замочат раз, другой, десятый, двадцатый, а я нырну в точку сингулярности, переведу дух — и опять на Землю, спасать заблудшие души. Вот такая простая история.

— Хотел бы кого–нибудь убить сам? Может, книжку такую специальную напишешь?

— Оля, неужели у тебя создалось впечатление, что я кровожаден? Да я букашку зазря не раздавлю.

Все–таки добрый человек Юрий Семецкий... И за что его так?..

Ольга ОПАНАСЕНКО

ЮБИЛЕЙ «СМАЙЛИКА»

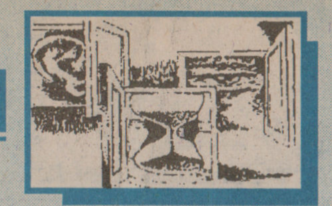
19 сентября отпраздновал свой юбилей «смайлик» — самый популярный набор символов для передачи человеческих эмоций. В этом году значку :–) исполнилось 20 лет.

К такому выводу пришел Майк Джонс, сотрудник «Systems and Networking Research Group», принадлежащей компании «Microsoft». В результате проведенного исследования г–н Джонс выяснил, что впервые значок :–) появился в дискуссии на доске объявлений Университета Карнеги Меллон (CMU) в 1982 году. Его изобретателем считается Скотт Фалман, использовавший данный набор символов, чтобы обозначить шутку. С тех пор использование схематического изображения человеческого лица для передачи эмоций в электронных текстах стало невероятно популярным.

КОЩЕЙ

Я нашел ее в роще под вязом
Без пеленок, без пищи, тепла...
И выхаживал травами, сказом,
Всем, что знал,
что природа дала.
Ожила, расцвела, полюбила...
Сколько в ней оказалось тепла!
И красы, и ума, даже силы
Ей без меры природа дала.
Зависть тайная —
как же иначе? —
Пригнала к нам толпу дикарей!
Я ведун, я шаман–неудачник,
Я кощун, а сказали — кощей!
Я — кощей?!
Силы тайные — силы злые!
Я бы мог убивать, но не смог!
Я — не смог, а толпе давал силы
Молодой ваш юродивый бог!
Он единый и неделимый!
Человеки в рабах у него!
Знать, уметь, обладать,
идти мимо —
Не дано, не дано, не дано!
Всех, кто думает как–то иначе
Выжигают иль гонят взашей.
Я — ведун.
Я — шаман–неудачник.
Я — кощун. А сказали — кощей!
Я — кощей?!
Морды потные
жаждут страданий...
Не дадут вам страданья ответ:
Коль не тайные вражие знанья,
Сколько было б той девочке лет?
На костер волокут,
ждут признанья...
Что костер? Ты себя пожалей!
Я уйду. И останусь в преданьях
И в душе, и в лесу средь камней!
А потом я вернусь — не иначе!
Хоть крестами,
хоть рунами шей!
Был колдун,
был шаман–неудачник,
Был кощун, а сказали — кощей!
Я — кощей!!!

Игорь ФЕДОРОВ

Орсон Скотт Кард удивил меня

Работа писателя — удивлять. Необычным сюжетом, нетрадиционным взглядом на мир, неожиданным ходом мысли... К писателю–фантасту это относится в еще большей мере. Чужие миры, необыкновенные отношения, непривычные лики, сверхъестественные способности...

Кард искусством удивлять владеет в полной мере. Причем не только своими книгами.

Орсон Скотт Кард удивил меня...

Никому, кроме Карда, не удавалось два года подряд получать самые престижные «фантастические» премии «Хьюго» и «Небьюлу». А он смог! В 1986 году — за роман «Игра Эндера» и в 1987–м — за его продолжение «Голос тех, кого нет».

Из интервью интернет–журналу «Writers Write»

— В последнее время особую популярность у писателей приобрели «сложные злодейские характеры». Во многих книгах отрицательные персонажи гораздо живее и привлекательнее положительных. Но в ваших произведениях положительные герои всегда интереснее. Насколько это намеренно? Вам действительно интереснее «хорошие парни», чем «плохие»?

— Перефразируя Толстого, я бы сказал: очарование добрых людей бесконечно разнообразно, а злые совершенно одинаково слабы, трусливы или жестоки. Я не нахожу ничего привлекательного в зле. Хорошие люди — это те, кто борется за равновесие между своими потребностями, потребностями своих любимых и требованиями общества, которому они преданны. Поэтому в моих книгах, за исключением редких случаев, нет законченных негодяев. Даже Баба–Яга, даже Ахилл — на самом деле жертвы обстоятельств, продукт той среды, в которой они воспитывались. Мои злодеи — герои их собственных историй. Другое дело, что они не мои герои. Потому что мои герои — люди, на которых держится общество, которые всегда действуют сообща. «Одинокий рейнджер» мне скучен, это человек неповзрослевший, не нашедший своего места. На самом деле я не писал ничего о скитаниях Эндера (в те три тысячи лет, которые разделяют «Игру Эндера» и «Голос тех, кого нет») именно по этой причине — он был тем самым «одиноким рейнджером»: внедрялся в общество, изучал его, оценивал и двигал дальше. Мои герои — это люди, которые делают выбор и отвечают за его последствия.

— В ваших книгах всегда главными оказываются взаимоотношения главных героев с их семьями, друзьями, врагами, хотя в современной литературе более популярно описание внутренней жизни персонажа. Как это соотносится с вашей жизненной философией?

— Нет никакой отдельной внутренней жизни. Есть только жизнь личности в отношениях с окружающими. «Внутренняя жизнь» — это миф, и очень вредный. Изучая себя, ничего о себе не узнаешь, — и попытки создать самоуважение на пустом месте не принесут самоуважения. Только повернувшись лицом к миру, ты получишь такую жизнь, какую стоит прожить, обретешь самоуважение и разберешься в себе. Это я вам говорю как законченный интраверт. Так что когда я вижу, что писатели зацикливаются на «чуйствах», мне становится не по себе. Чувства могут быть вызваны искусственно — например, с помощью химических веществ; они приходят и уходят; они не помогут выбрать нужное направление. Только выбор, совершаемый человеком, дает понять ему самому и окружающим, кто он есть на самом деле. В литературе, как и в жизни, мы — это то, что мы делаем с окружающими. И вовсе не является парадоксом выражение Иисуса о том, что для того чтобы найти себя, нужно раствориться в служении другим. Нет ничего более никчемного и пустого, чем человек, который живет только для себя.

Орсон Скотт Кард удивил меня...

Слово «мормоны» лично у меня ассоциировалось с Конан Дойлем и его «Этюдом в багровых тонах». Многоженство, жестокие нравы Солт–Лейк–Сити... И вдруг узнаю, что мой любимый писатель принадлежит к Церкви Иисуса Христа Святых последнего дня. Более того — в двадцать лет он отправился в Бразилию в качестве миссионера!

Из интервью интернет–журналу «Writers Write»

— Кстати, а как реагирует церковь мормонов на ваши книги?

— Есть мормоны, которым нравится то, что я делаю, те, кто полностью принимает это. Но есть и мормоны, которые считают меня дьяволом. Самое странное, что часть из них считает меня дьяволом, потому что я такой закостенелый ортодокс, другая же обвиняет меня в еретичестве. Пока я удерживаюсь между этими крайностями, все в порядке. Что же касается официальных лидеров церкви, то они сочли меня достаточно лояльным и ортодоксальным, чтобы поручить мне написание крупного проекта для церкви «The Hill Cumorah Pageant», представляемый ежегодно неподалеку от Пальмиры, штат Нью–Йорк, и музыкального спектакля, прославляющего мормонов и посвященного 150–й годовщине их прибытия в Солт–Лейк–Велли.

Как ни странно, даже те мормоны, которым нравится мое творчество, полагают, что я не могу быть успешным писателем без того, чтобы не стать «не слишком добрым мормоном». Я получаю письма от людей, которым очень понравился мой роман «Святые» или другие произведения, связанные с мормонами, — а в конце вопрос: «Когда вы оставили церковь?» или «Принадлежали ли вы когда–нибудь к мормонам?» Похоже, это такой современный стереотип: писатель должен быть циничным иконоборцем. Я же действительно иконоборец и скептик (но не циник). В настоящее время вера мормонов кажется мне наиболее истинной из всех религий, которые я встречал, а мормонская община является тем сообществом, цели которого я разделяю и к которому чувствую настоящую принадлежность.

Орсон Скотт Кард удивил меня...

Тетралогия об Эндере («Игра Эндера», «Голос тех, кого нет», «Ксеноцид», «Дети разума») — произведение само по себе достаточно грандиозное, чтобы навеки прославить писателя. Но вот на русском языке выходят "Хроники Вортинга", «Тень Эндера», «Тень Гегемона»... Из послесловия выясняется, что Кард пишет продолжение истории Боба и Петры, а также исторический роман. Лезу в Интернет... батюшки! Сколько, оказывается, он успел написать! Исторический роман «Святые». Дюжина пьес, включая мюзикл «Barefoot to Zion». Цикл из пяти романов «The Homecoming Saga». Цикл «The Tales of Alvin Maker». Романы «Lost Boys», «Treasure Box», «Homebody». Две книги о писательском мастерстве. И — последний удар! Роман «Enchantment» — история Спящей Красавицы, которую в 1991 году разбудил американский студент... в Украине! «Английский я выучу только затем, чтоб знать, чего Кард наваяет...»

Из интервью интернет–журналу «Writers Write»

— Вы так плодовиты. У вас никогда не случается творческих кризисов? И если да, то как вы с ними справляетесь?

— Не так уж я плодовит. Если бы мне удалось стать более дисциплинированным, я бы писал по шесть книг в год. То, что я пишу меньше двух, говорит о том, как неэффективно я работаю. Что же до кризисов, то в тот момент, когда я чувствую, что не могу писать, я понимаю, что это мое подсознание подсказывает: ты совершил какую–то огромную ошибку в работе. Это не проблема, это благословение — я могу выбросить неудачный кусок и взамен написать лучшую версию. Иногда приходится уничтожать куски по сто страниц, а то и больше, но я не помню ни одного случая, чтобы мой «творческий кризис» ошибся. Если работа затормозилась — это верный признак того, что я сделал что–то слабое или лживое, и когда я исправляю это, я снова становлюсь правдивым и могучим.

Орсон Скотт Кард удивил меня...

Когда слышишь, что человек написал столько книг, ведет несколько семинаров для начинающих авторов, ездит по всей стране, выступая перед читателями, активно участвует в жизни церковной общины, невольно приходит на ум, что для личной жизни времени у него уже не остается. Однако, похоже, к Карду это не относится: у него с женой Кристин пятеро детей, которым они дали имена знаменитых английских писателей и поэтов: Джефри (в честь Чосера), Эмили (в честь Бронте и Дикинсон), Чарльз (в честь Диккенса), Зина Маргарет (в честь Митчелл) и Эрин Луиза (в честь Олкотт).

Из интервью интернет–журналу «Writers Write»

— Как вы преодолеваете конфликт между личной и профессиональной жизнью? Трудно удержать равновесие?

— Я не удерживаю равновесие. Бывает, я на месяц уезжаю из дому и не вижусь с семьей. Это, конечно, печально. Но когда я подолгу сижу на месте, мы так веселимся вместе, что на работу просто не остается времени, и это тоже не слишком хорошо. Такова проблема всех работающих родителей: нам нужно больше денег или детям нужно больше нашего внимания? Впрочем, моя писательская профессия позволяет мне проводить с семьей куда больше времени, чем ежедневная работа с девяти до пяти.

Думаю, Орсон Скотт Кард еще не раз удивит меня...

Марина ЛЕС

Z-13
№11(110)
2002 год

Post Scriptum

Сказка закончилась, когда я спал. Поэтому поначалу я этого даже не заметил.

А потом вдруг сквозь сон до меня стали долетать всхлипы. Они доносились довольно долго, прежде чем я смог наконец приподнять голову и в три этапа разлепить глаза.

Оба–на! Рядом со мной лежало очень юное и очень несчастное существо женского пола. Наверное, даже хорошенькое — если судить по хрупким плечикам, золотистым кудрям и крошечным ступням, выглядывающим из–под аккуратненькой попки: существо лежало скорчившись, мордашкой уткнувшись в мокрые ладони.

Вот чего терпеть не могу — так это женских слез! Тем более в такую рань. Тем более с такого бодуна. Ох–х, голова–то как трещит! Чего накануне было — совершенно не помню. Слушай, а это не я ли девчонку часом обидел? Вряд ли, конечно, — я, когда выпью, добрым становлюсь, ласковым. Но ребенок плачет, а поблизости никого, кроме меня, не наблюдается...

— Кхм... — прокашлялся я, не зная, как начать беседу. «Что ты тут делаешь?» «Кто ты такая?» «Чего ревешь?» Секунду поразмыслив, остановился на последнем варианте. — Ты чего плачешь, ребенок? Обидел кто?

Девчонка вздрогнула, замерла на миг и — зарыдала с удвоенной силой! Я всерьез заволновался.

— Эй, а ну–ка, прекращай! Скажи, кто обидел, я ему рога обломаю.

Девчонка повернула ко мне зареванное лицо:

— Ваня! Ты что, совсем меня не помнишь?

Я напряг память. Такая молоденькая... такая хорошенькая... как можно забыть? Но не помню я ее, факт.

Златовласка не стала дожидаться ответа — видно, по лицу все поняла, потому что снова залилась слезами.

— Малыш, ну не реви... Ну, я козел, болван, чурбан неотесанный... Ну, скажи, кто ты...

— Жена–а–а, — еле выдавила она сквозь рыдания.

Вот те на!

— Чья жена, малыш? — ласково, как совсем маленькую, спросил я.

— Твоя–а–а...

Вся ласка застряла у меня в горле вместе с недопроглоченным воздухом, заготовленным для дальнейших уточнений и утешений. У девчонки от плача началась икота, так что продолжать так увлекательно начавшийся разговор она не могла. Я посидел еще с минутку, оторопело глядя на нее и не решаясь погладить по трясущимся плечикам, как поступил бы в нормальной ситуации, а потом ринулся на кухню. Два ковша воды вылил себе на голову, зачерпнул еще и понес девчонке. Стуча зубами о край ковшика, она сделала пару глотков, судорожно вздохнула и уставилась на меня широко раскрытыми несчастными глазами. Этого взгляда я вынести не мог, отвернулся и пробормотал, боясь вызвать новый шквал рыданий:

— А зовут–то тебя как?

— Еле–ена...

— Прекрасная? — тупо брякнул я.

— Нет, просто тезка...

— Таким убитым голоском, что я себя почувствовал еще большим негодяем, чем до сих пор. Хотя куда уж больше?

— Аленушка, ну ты прости меня, урода. Похмелье такое... — я запнулся. Отмазался, ничего не скажешь. Но выяснить–то все равно надо. — А... ты почему... ну, жена?

Я приготовился к новым слезам, но девчонка, видимо, уже все вылила: подавив всхлип, хриплым тусклым голоском спросила:

— А дракона ты тоже не помнишь?

Ну, сказала! Дракона не помню! Да этот дракон за мной по всей пещере гонялся! Новехонький плащ в пяти местах пропалил! Я от хвоста его еле увернулся! А уж когда я ему булавой по кумполу угодил — так оземь грохнулся, что земля задрожала, с потолка камни посыпались! Я не помню дракона, ха! Да он мне до конца жизни в кошмарах будет сниться!

Только...

— А при чем здесь дракон? — наконец дошло до меня.

— Ты же его победил?

— Победил.

— Принцессу освободил?

— Освободил. (Мало ли кого я тогда освободил. Там у дракона целая уйма народу в подземелье сидела. Вроде и принцесса была...)

— Живой–здоровой к отцу доставил?

— Доставил. (На самом деле я не доставлял — со мной два десятка придворных ехало: фрейлины, повара, мамки–няньки; они принцессу и увезли, а я только к их старшому подошел, поинтересовался: дескать, жива–здорова принцесса? Ну и ладушки.)

— Ну вот нас вчера и поженили–и–и... И–и–и...

Опять слезы! Да что ж за наказание такое! У человека голова с перепою трещит... А–а, так вот с чего перепой у меня! Свадьба была. Царь дочку замуж отдавал. За меня...

Сижу я и не знаю, куда себя девать: глаза, руки... Девчонку успокоить надо, а я до нее дотронуться боюсь. Ну надо же, какое чучело малышке досталось! А она все громче заливается. Я снова за водой сбегал, ковшик ей протягиваю — а она его отталкивает, сама вся мокрая, постель мокрая... Плюнул я на все, схватил ее, как сестренок младших, бывало, в охапку, баюкаю и приговариваю:

— Не плачь, Аленушка. Не плачь, хорошая. Буду я тебе верным мужем. Будем душа в душу жить. Лиха беда начало! Зато потом все прекрасно пойдет.

— Да–а, пойдет, — недоверчиво скулит Аленушка, жена моя молодая. — А жить мы где будем?

— Так мне ж еще полцарства полагается... — неуверенно отвечаю.

— Ты от него отказался вчера. Министры батюшкины тебя отговорили, ты все бумаги подписал...

— Ну здесь будем жить, в моей избе. Она крепкая, теплая, прадед еще мой строил.

— А зимой как?

— Дров запасем, печку топить станем — еще жарче, чем у вас во дворце, будет.

— А... — Аленушка смотрит на меня умоляюще, не решается сказать. — А... А я готовить не умею — это ничего?

— Ничего, — утешаю я ее. — Это дело нехитрое, я научу. Вон в какой–то сказке кухарка государством управляла. А щи готовить куда проще!

— А... — Вижу, что готовится задать какой–то очень важный вопрос и робеет. Что ж там еще, страшнее кухни? Хмурится, вздыхает, мотает головой... Наконец решается — и полушепотом: — А ты... любить меня будешь?

Теплая волна вливается в мою душу. Ах ты котенок доверчивый! Склоняюсь к пушистым золотистым локонам, нахожу губами ушко...

Хватит! Отвернитесь! Начинается следующая сказка. Наша с Аленушкой...

Никита **ПРИМОРОКОВ**

АРХЕОЛОГИ ТОЖЕ СТАРЕЮТ

Стивен Спилберг и Джордж Лукас доверили пыхтеть над сценарием четвертого «Индианы Джонса» Фрэнку Дарабонту (режиссеру «Побега из Шоушенка» и «Зеленой мили»). Будучи допрошен журналюгами, Дарабонт сознался только в том, что действие фильма будет происходить в 50–е годы (Харрисон Форд уже староват для роли даже не очень молодого Индианы Джонса), а потому драться великому археологу предстоит определенно не с фашистами. Но гадские враги, обещает Дарабонт, будут не хуже, чем в первых сериях.

ЧЕМ КОНЧИТСЯ ДЕТСТВО

Грядет экранизация еще одного классического НФ–романа. Артур Кларк вскоре может стать «папой» еще одного фантастического фильма: компании «Universal Pictures» и «Beacon Pictures» намерены в недалеком будущем приступить к работе над экранизацией его классического романа «Конец детства» («Childhood's End», 1953). В качестве режиссера в проект приглашена Кимберли Пирс (Kimberly Peirce), прославившаяся как создатель сенсационной психологической драмы «Парни не плачут» («Boys Don't Cry», 1999). Сценарист будущего фильма пока не определен.

Стоит напомнить, что до сих пор по произведениям Кларка в США были сняты только три полнометражных художественных фильма — знаменитый «Космическая Одиссея 2001 года»(«2001: A Space Odyssey», 1968) Стэнли Кубрика, почти никакой «2010: Одиссея–2» («2010», 1984) и совершенно никем не замеченный «Плененные в космосе» («Trapped in Space», 1993) по рассказу «Breaking Strain» (1949). Однако год назад появилась информация, что Дэвид Финчер будет режиссировать крупнобюджетный блокбастер «Свидание с Рамой», а теперь очередь дошла и до «Конца детства», переложить который на язык экрана будет, за исключением вступительной части, довольно трудно — действия как такового в книге почти нет, а финал создает для кинематографистов проблемы почти неразрешимые...

Так или иначе, будем ждать и надеяться.

Сергей БЕРЕЖНОЙ
(Курьер SF, http://rusf.ru/courier)

ОДИН ПОТТЕР ЗА 160 ШЕКЕЛЕЙ

Служба медалей и монет Израиля выпустила медно–никелевую монету с изображением Гарри Поттера. Диаметр монеты 37 миллиметров, ее номинальная стоимость — 160 шекелей (1 американский доллар равен 4,5 шекелям). Вместе с этой монетой продаются также 3 монеты из Гринготса — банка, в котором, по книге, волшебники хранили свои деньги.

Следы

Мы — забытые следы
Чьей-то глубины...
Александр Блок

Стражники втолкнули еретика в кабинет Главного Дефенсора и застыли, ожидая дальнейших распоряжений.

— Оставьте нас, — сказал Главный Дефенсор, пристально глядя на арестованного. — Я вас позову.

Стражники удалились, вышколенно стуча каблуками, дверь закрылась — и в кабинете стало очень тихо. Еретик не шевелился, словно взгляд Главного Дефенсора парализовал его. Наконец хозяин кабинета отвернулся, несколько раз медленно прошелся от стены к стене, остановился у окна и, не оборачиваясь, произнес:

— Повтори-ка все то, о чем ты беседовал с лицензионными торговцами, в чем убеждал на вечеринке членов товарищества менял, что разъяснял отстраненным и чему учил бездельников-запоминателей. Повтори, а я послушаю.

Еретик молчал, уставившись в пол.

— Я жду, — с угрозой сказал Главный Дефенсор, пересек кабинет и остановился напротив арестованного. — Мое терпение не беспредельно. Помнишь, как сказал поэт? «Всему на свете есть конец. Терпенью тоже...» — Главный Дефенсор любил цитаты.

Еретик, наконец, шевельнулся.

— А еще он сказал: «Не стоит рассуждать о том, что очевидно». — Он в первый раз поднял глаза. — Ведь содержание моих бесед вам известно.

— Безусловно, безусловно, — покивал Главный Дефенсор. — И все-таки хотелось бы услышать не от посредников, а, так сказать, из первых уст. Откуда ты взял столь бредовые идеи? Мне доводилось беседовать здесь и с сумасшедшими, и с бунтарями — такие были и, увы, будут во все времена, как бы ни была крепка держава, — но ты ведь не сумасшедший и не бунтарь. Ты наследственный устроитель садов. Ну не цветы же нашептали тебе всю эту ересь?

Арестованный едва заметно улыбнулся.

— Труд садовника хорош тем, что не препятствует размышлениям. А размышляя, невольно задумываешься над разными вещами и стараешься сам найти ответы на возникающие вопросы.

— Выходит, садовники потенциально опасный элемент населения?

Еретик опять улыбнулся.

— Не думаю. Далеко не каждый, я в этом уже не раз убеждался, имеет склонность к размышлениям. К сожалению, очень и очень многие живут, ни о чем не задумываясь...

— И ты решил им помочь, — прервал арестованного Главный Дефенсор. — Решил облагодетельствовать запоминателей и торговцев, менял и отстраненных. И на этом бы, конечно, не успокоился, если бы мы тебя не остановили. Подумать только, каким болезненным воображением надо обладать для того, чтобы измыслить самому и пытаться убедить других в том, что наш мир, наша единственная объективная реальность создана какими-то сверхъестественными высшими существами! — Главный Дефенсор вновь зашагал по кабинету. — Выходит, мы не более чем игрушки в руках неведомых нам могущественных создателей? Сегодня держава прочна и несокрушима, а завтра создатели поменяют свои планы — проснутся, например, в плохом настроении — и обратят в прах все наше величие? Так тебя понимать?

— Я этого не говорил, — возразил арестованный. — Да, нас создали высшие силы. Создали — и удалились, и больше не вмешиваются в нашу жизнь. Они просто дали толчок, заложили основы...

— Бред! — вскипел Главный Дефенсор. — И очень опасный бред. Ты замахнулся на наше научное мировоззрение, и я, наверное, поспешил признать тебя не сумасшедшим. Ты просто болен. Только больной может пренебречь единственно правильной аксиомой о бесконечности нашего мира во времени, не предусматривающей никакой возможности сотворения, только больной может усомниться в теории эволюции на основе борьбы за выживание и естественного отбора, только больной может вообразить себе некие высшие силы, стоящие вне рамок законов природы. — Главный Дефенсор вздохнул. — Не болтать бы тебе об этом где попало — и ты бы не проходил по моему ведомству.

— Хорошо, — тихо произнес еретик. — Возможно, с вашей точки зрения я действительно больной. По крайней мере, не такой, как другие. Но ответьте, пожалуйста, на один вопрос: почему окружающий мир так хорошо приспособлен к нам?

— Это не мир приспособлен к нам, а мы приспособились к миру. Как гласит теория эволюции, развитие началось...

— Именно мир приспособлен к нам. Потому что высшие силы создали одновременно и нас, и мир для нас. Наш мир вместе с нами — их следы. Следы ушедших.

На некоторое время Главный Дефенсор потерял дар речи. Он не мог припомнить случая, чтобы кто-нибудь осмелился перебить его. И все-таки он сумел сдержать рвущуюся ярость — стоило ли гневаться на того, кто явно был ненормальным?

— Мы с тобой говорим на разных языках. — Главный Дефенсор с сожалением взглянул на сумасшедшего. — В мире нет ничего, кроме движущейся материи. Ни-че-го. Никаких высших сил. Это аксиома. Жаль, что ты попал в мое ведомство.

— Почему?

— Потому что ты не в своем уме. Но говорил ты свои безумные речи не бессловесным цветам, а менялам, запоминателям, отстраненным. Ты нарушил закон...

— Чем я нарушил закон?

Главный Дефенсор решил не обращать внимания на вопиющую дерзость арестованного. В конце концов, тот был обречен.

— Твои идеи вредны и опасны для общества, — терпеливо сказал он. — Если и мы, и мир порождены некими высшими силами, то они в любой момент могут вмешаться в наши дела. Так стоит ли быть законопослушными, стоит ли честно трудиться во имя державы, стоит ли выполнять волю Главенствующего Совета, если наше завтра непредсказуемо и все может измениться в каждое мгновенье? Твои идеи ненаучны, ложны, подстрекательны и подлежат осуждению и искоренению. Не берусь решать за членов суда, но, думаю, они прислушаются к моему мнению, и ты будешь публично сожжен на Цветочной площади.

— Но за что?

— За то, что сеешь смуту. Понимаю, ты не виноват — виновата болезнь, — Главный Дефенсор участливо покачал головой, — но без публичного сожжения, боюсь, не обойтись. Общество должно еще теснее сплотиться вокруг Главенствующего Совета и убедиться, что нет пощады носителям ложных идей. Ты не виноват — виновата болезнь, — повторил Главный Дефенсор, — поэтому обещаю: тебе дадут яд, когда ты взойдешь на костер, и ты не почувствуешь боли. Это все, что я могу сделать для тебя.

В кабинете наступила тишина. Главный Дефенсор вновь отошел к окну, а еретик, опустив голову, молча стоял у двери.

И лишь когда стражники уводили его, он сказал напоследок:

— Когда-нибудь все поймут, что прав именно я, а не ваша единственно верная и неоспоримая наука.

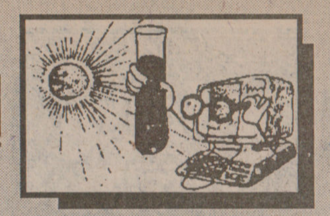
Дверь закрылась.

— «Твердыню Истины стремились пошатнуть? Безумные... Она — несокрушима»... — Главный Дефенсор любил цитаты. И не только чужие.

И вскоре под треск барабанов и вой труб на Цветочной площади запылал костер. Главный Дефенсор сдержал обещание — еретик принял яд и умер без мук. Толпа безмолвствовала.

Костер пылал на Цветочной площади в глубине давней-предавней мусорной свалки, затерянной в молчаливых пространствах неумолимо расширяющейся Зоны. Над Зоной звездой Полынь сияло равнодушное солнце.

Алексей КОРЕПАНОВ,
г.Кировоград

Z-15
№11(110)
2002 год

Не много есть на свете, друг Горацио, что недоступно нашим мудрецам

«Вычислить путь звезды и развести сады, и укротить тайфун — все может магия». Помните? Однако магии и не снились те возможности, которыми обладает нынешняя наука.

Что у вас на компактике?

Американский ученый Крейг Вентер, который принимал участие в расшифровке первого образца человеческого генома, сообщил, что уже получил заказы от частных лиц, желающих иметь на руках собственную генную карту. Доктор Вентер говорит, что вскоре сможет в течение недели предоставлять любому запись его генома на... компакт–диске. Такая услуга будет стоить 712000 долларов.

Британская компания «Solexa» заявила о завершении разработки нового метода расшифровки генов, который позволит прочитать геном человека за один день. Теперешняя цель — разработать технологию, при которой полный геном человека может быть получен за 24 часа при стоимости процесса не более тысячи долларов. Такая услуга может стать частью анализа крови, проводимого в обычной поликлинике.

Спруты отрастят ноги, а касатки — крылья

Специалисты по эволюционному развитию предположили, что через несколько миллионов лет человек уступит лидерство другим видам, которые будут обладать интеллектом и доминировать в природе Земли.

Предположения ученых основываются на климатических и географических изменениях, которые постигнут нашу планету в отдаленном будущем. Информация, которой обладают специалисты, позволяет с большой долей вероятности предсказать, каким образом планета будет меняться — если, конечно, не будет резких внешних вмешательств вроде падения на Землю крупных астероидов и резкого смещения орбит планет.

Согласно предсказаниям британских ученых, район Средиземного моря, равно как и бассейн реки Амазонки, станет пустыней — как это некогда случилось с Сахарой. На земле появятся новые формы жизни, в частности, гигантские спруты выйдут на берег и научатся ходить. Улитки быстро вырастут — до метра в высоту. Многие виды океанических рыб и животных, в частности, касатки, также покинут привычную среду обитания, а впоследствии отрастят крылья и начнут охотиться в воздухе. А самыми разумными существами на Земле станут потомки бабуинов.

Спидометр для гравитации

Ученые из многих стран мира проводят уникальный эксперимент, цель которого — измерить скорость распространения гравитации.

Свыше 80 лет назад Альберт Эйнштейн предположил, что сила притяжения какого–либо объекта распространяется с такой же скоростью, что и свет. Но это предположение до сих пор не было проверено экспериментально. Сейчас ученым улыбнулась удача: расположение планет позволяет им проверить, было ли предположение Эйнштейна правильным.

В 1916 году молодой Эйнштейн обнародовал свою теорию относительности, в которой делался ряд ошеломительных предположений, менявших всю систему взглядов, сложившуюся к тому времени в науке. Многие из его предположений, включая, например, константность скорости света, впоследствии были подтверждены экспериментальным путем. Скорость же распространения гравитации до сих пор измерить не удавалось.

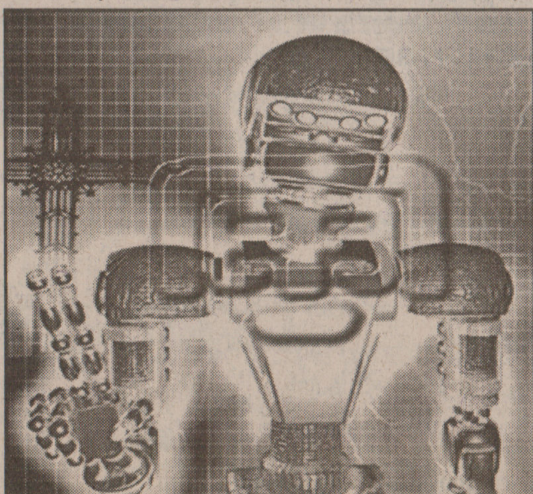
Они, роботы

Ученые из Массачусетского технологического института создали органического робота, имитирующего морскую актинию. Он живет в бассейне, реагирует на изменение освещенности и на прикосновения. Его гибкое тело по структуре напоминает позвоночник, щупальцами служат оптоволоконные кабели, которые втягиваются внутрь тела при прикосновении, как у живой актинии. Теперь американцы думают, как бы создать органического робота, способного к полноценному взаимодействию с человеком.

Японцы же двинулись в другом направлении: научили своих роботов вполне прилично ходить, говорить, запоминать людей и даже танцевать. Впрочем, в последнем случае это лишь побочный эффект от основной разработки. Ученые из Института передовой промышленной науки и технологии и частной компании «Кавада» с гордостью показывают, как их детище самостоятельно ложится и встает: робот сначала опускается на колени, упираясь руками в пол, а потом ложится лицом вниз.

Ни одной из предыдущих человекоподобных моделей такое было не под силу. Обычно у роботов тело представляет собой единый блок с жесткой спиной. Там, как правило, размещались батарея и другие, ограничивающие движение, узлы. У нынешней разработки спина, как у человека, подвижная, и это, помимо прочего, позволяет ему изображать своеобразный танец живота. Поднимается умная машина также без посторонней помощи, причем делает это из положения лежа на спине. Чтобы лечь и встать на ноги, роботу требуется около 30 секунд.

Сейчас специалисты работают над тем, чтобы научить его смягчать падение и быстрее вставать.

Приезжайте к нам на Колыму

А вот еще один проект неугомонных японцев. На Колыме они собираются открыть развлекательный парк–заповедник с фауной ледникового периода. Для этого они намерены клонировать мамонта и развести его потом в больших количествах. При этом генный код мамонта будут вводить в зародыш слона. Со слонами пока проблем нет. Сложнее с мамонтами — хотя во льдах Сибири до сих пор находят этих животных, при традиционном размораживании генный код неизменно деформируется.

Но сейчас в Сибирь направлена специальная японская экспедиция, которая должна по–новому разморозить практически полностью сохранившегося мамонта, которого нашли еще в 1994 году, но пока не трогали из–за отсутствия денег на научные исследования.

До появления в парке живого мамонта неизбежно пройдет еще несколько лет. Ну а пока парк заселяется другими реликтами — дикими лошадьми, яками, бизонами.

ЛАУРЕАТЫ «СТРАННИКА»

28 сентября в Санкт–Петербургском Доме Композиторов состоялась церемония вручения премий Девятого конгресса писателей–фантастов «Странник». Лауреатами премии стали:

Крупная форма
Олег Дивов «Саботажник»

Средняя форма
Андрей Саломатов
«В будущем году я стану лучше»

Малая форма
Алан Кубатиев
«Вы летите, как хотите!..»

Критика, публицистика, литературоведение
Кирилл Еськов
«Наш ответ Фукуяме».

Перевод
Дмитрий Коваленин.
Перевод романа Харуки Мураками «Dance, dance, dance...»

Издательство
«АСТ» (Москва)

Художник
Александр Кудрявцев
(дизайн серий «Золотая библиотека фэнтези», «Классика отечественной фантастики», «Классика мировой фантастики», «Заклятые миры», собрания сочинений Толкина и др.)

Редактор–составитель
Александр Шалганов
(«Если»)

Премия
«Мастер издалека»
Луис Ройо

Премия
«Легенда фантастического кинематографа»
Георгий Данелия

СКОНЧАЛСЯ АЛЕКСАНДР КАЗАНЦЕВ

13 сентября 2002 года на своей даче в Переделкино скончался один из известнейших отечественных фантастов советской эпохи Александр Петрович Казанцев.

Александр Казанцев родился 2 сентября 1906 года в Акмолинске. В фантастике дебютировал в 1936 году, заняв первое место на конкурсе киносценариев. Публикация романа «Пылающий остров» в 1940–1941 г.г. стала началом 60–летней литературной карьеры. В 1941 году появляется в печати фрагмент его романа «Арктический мост» (полностью опубликован в 1946), в 1952 году издается «Мол «Северный» (переработан в 1956 году в роман «Полярная мечта», а в 1970 — в роман «Подводное солнце»), а в 1964 году — «Льды возвращаются». В 1970–80–е годы Казанцевым написаны романы «Сильнее времени» (1973), «Фаэты» (1974), «Купол Надежды» (1980), автобиография «Пунктир воспоминаний» (1981), романы о Пьере Ферма «Острее шпаги» (1984) и о Сирано де Бержераке «Клокочущая пустота» (1986). В 1997 году выходит дилогия «Иномиры», в 2000 — историко–фантастическая дилогия «Звезда Нострадамуса». В 2001 году издан фантастико–автобиографический роман «Фантаст», написанный в соавторстве с Никитой Казанцевым.

В 1981 году за вклад в развитие фантастики Казанцев был удостоен премии «Аэлита».

Извилистая лунная дорожка

Он бежал.

Ноги выбивали неровный ритм, созвучный хрипу сбитого дыхания. Полы длинного плаща подобно ножу срезали вершины небольших сугробов, пытающихся изо всех сил удержать беглеца. Комья снега налипали на затертые армейские ботинки. Из–под ног вырывались капли грязи вперемешку с подтаявшими ледяными крошками. Словно пули, они резко врезались в спину бегуна, оставляя черные кляксы.

Ночь скрадывала краски.

Он бежал, прекрасно сознавая всю тщетность побега. Лес застыл в мрачном ожидании, лишь иногда оживая голосами ночных тварей.

Внезапно мрачную тишину разорвал вой. Дикий. Полный печали. Казалось, завыли в унисон все сирены далекого города.

Человек споткнулся от неожиданности, потерял равновесие и упал, глубоко зарывшись в высокий сугроб. Встать не было сил. Замер, напряженно вслушиваясь. Из широко открытого рта часто вылетали сизые облачка, выдавая тяжесть дыхания. Таял снег, отступая перед паром. На кроне ближнего дерева грустно ухнул филин, на миг в темноте сверкнули два диска полной луны, отраженные в огромных глазах ночной птицы.

Вой повторился. На этот раз долгий, протяжный и совсем близкий.

Человек медленно повернул голову, пытаясь определить, откуда исходит звук. Из последних сил он все–таки поднялся и медленно побежал. Ноги не слушались: подгибались и подламывались на малейшей кочке. Словно пьяный, едва держа равновесие и срезая редкие изгибы лесной тропы, человек выбежал на небольшую поляну, похожую на озеро после нашествия зимних рыбаков — местами снег подтаял, образуя широкие прогалины.

На дальнем краю поляны неуклюже покосился старый домик. Когда–то здесь отдыхали местные охотники, утомленные удачной вылазкой в лес. Невысокая кирпичная труба в свое время сулила уют и тепло даже зимним гостям. Теперь же бревна стен покосились, разошлись, открывая во многих местах широкие щели. Окна заколочены. Широкая приземистая дверь повисла на единственной петле.

Человек ускорил бег, с разгону ввалился в дом, едва не упал, зацепившись за что–то угловатое и твердое. Недолго думая, изо всех сил потянул на себя неподатливые двери. Заскрипела проржавевшая петля. Дверь закрылась, оставив две узкие щели.

Громко треснула сухая ветка, и на поляну выскочил волк. Огромный волк. В темноте ярко горели глаза. Передние лапы, резко загребающие снег короткими пальцами, были очень похожи на человеческие руки. Задние лапы необычно выгнулись вперед, совсем как у людей. Оборотень запрокинул голову и, втянув воздух, сощурил глаза в сторону охотничьего домика.

Человек напряженно замер, вслушиваясь в приближающийся хруст снега. Лопата, ставшая для двери щеколдой, дернулась от резкого рывка. Еле слышное рычание усилилось. Дверь сотряс мощный удар. Второй. Третий удар немного перекосил ее внутрь, четвертый же просто переломил старые доски. Дерево с треском разлетелось, осыпаясь на пол острыми щепами. Оборотень, неспешно перебирая лапами, вошел в дом и остановился. Секунду внимательно изучал скрюченную фигуру человека, забившегося в самый темный угол, куда не проникал даже лунный свет. Широко разинул пасть, натужно взвыл. Человек испуганно прикрылся руками, не в силах смотреть на приближающиеся колья клыков, светящиеся в темноте. Оборотень прыгнул.

* * *

Луну закрыла случайная туча. Краски леса утратили яркость. Внезапно из охотничьего домика вырвался оборотень. Тут же с неба спикировала огромная летучая мышь и закружила над поляной.

— Ну? — крикнул вампир, зависнув.

Не сбавляя ходу, оборотень повернул косматую голову и прокричал:

— Ваня — квач!

И тут же домик рухнул от крика ярости. Легко разбросав бревна, из завала выбрался человек. Мрачно взглянул вслед оборотню, перевел взгляд на вампира.

— Достали вы меня, корень вам в печень! Хорошо. Теперь поиграем серьезно, — сказал Ваня, превращаясь в огромного крылатого медведя. — Кто не спрятался, я не виноват!

С треском и грохотом упало дерево, задетое крылом.

Игра продолжалась.

Александр МОКИН

Z 1-16 ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА МАГИЯ, МИСТИКА

Видається з 1993 року
Реєстраційний номер
КВ № 408 від 1 лютого 1994 р.

№11(110), 2002 р.

ЗАСНОВНИКИ, ШЕФ-РЕДАКТОРИ:
Анатолій КАЦАЙ,
Олександр КОРОЛЬОВ

ЗАСТУПНИКИ ГОЛОВНОГО РЕДАКТОРА:
Олексій СОКУР,
Надія ЮРЧЕНКО

РЕДАКЦІЙНО-ВИДАВНИЧА РАДА:
Сергій МОГИЛЬНИЙ, директор
Ольга ОПАНАСЕНКО член ради
Степан ІВАНУС відповідальний секретар
Віталій БОБЕР, заступник директора по збуту
Ірина БОРЗОВА, головний бухгалтер
Олександр ШЛАПАЧЕНКО, начальник відділу збуту

ВИДАВЕЦЬ:
Редакційно-видавнича фірма

Адреса редакції:
03047, Київ-47,
просп. Перемоги, 50, к.463
Тел.: (044) 441-82-59,
441-88-02
Факс: (044) 446-91-26
E-mzil: postmail@avkpress.kiev.uz

ВІДДІЛ РОЗПОВСЮДЖЕННЯ
(044) 441-82-57

РЕКЛАМНИЙ ВІДДІЛ
(044) 441-83-69

Комп'ютерний дизайн та верстка
Олексій СОКУР
Коректор
Наргіс БАГДАСАР'ЯН

- Друкується мовою оригіналу
- За зміст і достовірність публікацій відповідальність несе автор (рекламодавець)
- Листування з читачами — тільки на сторінках газети
- Рукописи не рецензуються і не повертаються
- При передруку посилання на "ИГ" обов'язкове

Віддруковано на комбінаті друку видавництва «Преса України». 03047, Київ-47, пр.Перемоги,50
Загальний наклад "ИГ" 644 286
Зам. № 3213153 від 03.10.2002 р.

"ИНТЕРЕСНАЯ ГАЗЕТА" – ЦЕ:

